

В. Э. Глазачев
УРБАНИСТИКА

2008

европа

Вячеслав Глазычев

Урбанистика. часть 3

*предоставлено правообладателем <http://litres.ru>
Владимир Глазычев «Урбанистика»: Европа; Москва; 2008
ISBN 978-5-9739-0148-6*

Аннотация

Город, существующий тысячи лет, создавали и осмыслили, всегда осмыслили и всегда переделывали заново. Но особенную напряженность этот процесс приобрел в последние полтора столетия лет, когда города начали распухать на дрожжах индустриализации. В этом году впервые в истории человечества численность городского населения в мире уже сравнялась с численностью сельских жителей. В европейских странах, включая Россию, доля городского населения превышает три четверти и продолжает расти. Растет и исход населения из городов, где условия жизни становятся все труднее, в пригороды, где, однако, эти условия тоже стремительно осложняются. Автор книги предпринял попытку в сжатом виде изложить опыт удач и опыт провалов в различных подходах к стратегии развития городов, накопленный за полтора века.

Книга, свободная от академической усложненности, адресована всем, кто хочет узнать, что происходило и

происходит с городами, в которых мы живем, и чего можно ожидать от ближайшего будущего в организации городской жизни.

Содержание

Словарь искусства градоформирования	5
Мосты и водоемы	6
Город в зеркале	20
Городской «партер»	33
Силуэт и ориентиры	55
Семиотика городской среды	69
Луна-парк	81
Сценарии городского пространства	97
Городской ансамбль	110
Правила игры	121
Генеральный план объекта	130
Детальная планировка	138
Стратегический план развития города	156
Схема территориального планирования	165
Урбанистические исследования (вместо заключения)	169

Владимир Глазычев

Урбанистика. часть 3

Словарь искусства градоформирования

Окончание. Начало см. часть 3

Мосты и водоемы

Почти всякая главная улица рано или поздно пересекает реку, преобразуясь в мост. Мосты сложно возводить, они всегда обходились дорого и ценились чрезвычайно высоко, являя собой нередко предмет гордости горожан. Более двух тысяч лет исправно служит жителям Рима мост Фабриция – два широких кольца каменной кладки, соединенных вместе. Их верхняя половина поднимается высоко над Тибром, а нижняя скрыта под его дном, обеспечивая целому чрезвычайную устойчивость. Перейдя от деревянных мостов к каменным, жители средневековых городов не могли смириться с тем, что зря пропадает столько драгоценного места, и застроили свои мосты домами, пропустив движение под ними. Наряду с большими мостами во множестве возводились малые – через речки, каналы и ручьи, мосты проездные и мосты пешеходные, прямые и горбатые. Мост повсюду стал неременным элементом городской среды, войдя в реестр крупнейших монументов. Ценность моста взывала к тому, чтобы придать ему индивидуальный архитектурный облик и с наступлением Ренессанса, в результате конкурсного состязания, через Большой канал Венеции отважной аркой был перекинут мост Риальто, а его автор Антонио

получил прозвище Даль Понте – так сказать, Антонио Мостовой.

С этого момента начинается великое состязание городских мостов. Их расчищают от зданий, лишая живописности, но зато открывая сразу две возможности: восхищение смелыми формами моста, воспринимае-

мыми с воды или с берега, исполненное критики любование панорамой обоих берегов, открывающейся при взгляде с середины моста. Таков галерейный мост через реку Арно, по самой середине которого есть огромное окно, специально устроенное для того, чтобы прохожий мог остановиться и взглянуть на город.

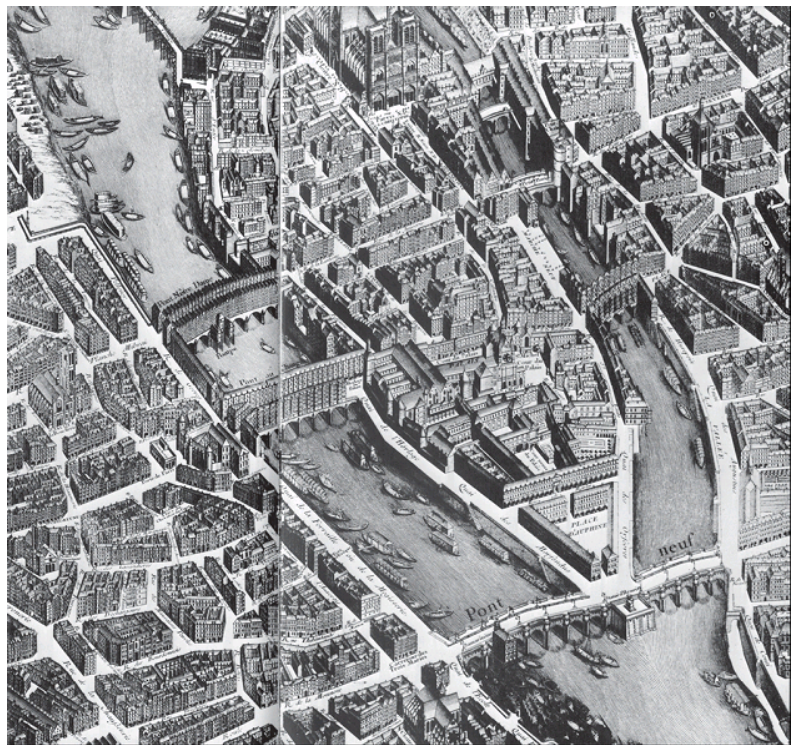
По сей день городские мосты, обретшие имя, вросшие в местный фольклор и постоянно появляющиеся на страницах книг и в кинофильмах, остаются своего рода визитной карточкой городов. Разводные мосты Петербурга и подъемные мосты над рекой Чикаго, старые мосты Лондона и Парижа, Бруклинский мост над Ист-Ривер в Нью-Йорке, огромная арочная ферма моста через залив в Сиднее. Реконструкция Москвы в 30-е годы не могла не включить в программу постройку мостов заново, возведя среди прочих один из красивейших – Крымский, и череду изящных пешеходных мостов через Яузу...

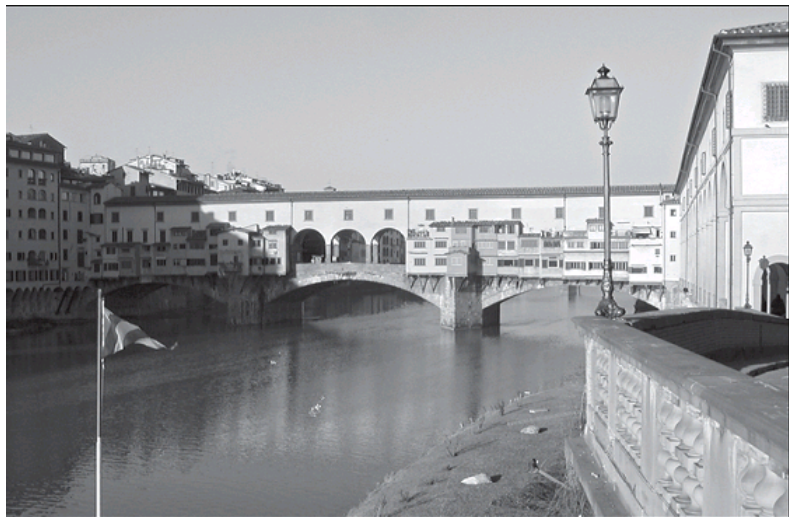
Любопытно, что при всех метаниях художественных пристрастий в архитектуре XX в. напряжение творческого внимания в отношении мостов остается неизменным. В одной Великобритании к Миллениуму был открыт изысканных очертаний пешеходный мост архитектора Нормана Фостера, связавший площадь перед собором Св. Павла и Новую галерею Тэйт, разместившуюся в приспособленном для нее старом здании электростанции. И к той же дате в Ньюкасле через ре-

ку Тейн Уилкинсон и Эйр воздвигли совершенно оригинальное сооружение, соединившее изящество скульптуры и элегантность инженерного решения. Здесь горизонтально уложенная арка пешеходного моста уравновешена аркой противовеса, так что при проходе кораблей движение по мосту прекращается, и сам он плавно поднимается вверх, наполовину опуская арку-противовес.

Похоже, что именно оформление сходов и съездов с моста вызвало к жизни стремление расчистить берега и обустроить их набережными, которые тоже выросли в литературу и кино. Первыми были набережные Сены в Париже, примечательные тем, что прогулка вдоль них почти везде возможна в двух уровнях – у самой воды и поверху. Гранитные набережные Петербурга устроены иначе: основной путь идет на уровне земли, там, куда река достает только во время наводнений, но через определенные промежутки в высоком парапете устроены разрывы, чтобы по лестницам можно было спуститься к воде, когда она входит в обычное русло. Это схема, вывезенная Петром Великим из Амстердама, но она же использована в Венеции, где большинство стенодомов спускается прямо в воду. Только Лондон приотстал в этом процессе, зато набережная Королевы Виктории выгодно отличается тем, что отсечена от проезжей улицы узким парком, где лицом к Темзе расставлено множество скамеек, что в этом городе большая ред-

КОСТЬ.

От древнейшего в Риме моста Фабриция до новейших мостов вроде лондонского Моста Тысячелетия, который связал площадь перед собором Св. Павла и новую галерею Тэйт, разместившуюся в залах бывшей электростанции, протянулась многовековая цепь дерзких инженерных решений. Норману Фостеру, автору Моста Миллениума, пришлось, однако, дополнительно укреплять его изящную конструкцию – ее надежность не подвергалась сомнению, но легкий эффект раскачивания, свойственный обычно подвесным мостам, пугал робких туристов.

Первый, после мостов Центрального парка в Нью-Йорке, пешеходный мост через Пятую авеню был переброшен владельцами универсального магазина не столько из гуманных соображений, сколько из желания заполучить новых покупателей, которых снедал обоснованный страх перед потоком бесчисленных конных экипажей. Амстердам рано назвали Северной Венецией – его каналы по сей день играют роль не только улиц-дублеров, но и жилых «кварталов» для сотен барж. Амстердаму стремился подражать ранний Петербург, и хотя многие его каналы давно засыпаны, вид города с воды доставляет радость.

Город играет с водой давно и на разный манер. Несколько веков Пьяцца Навона на месте римского цирка в летнюю жару была залита водой, и взрослые люди, как дети, радовались, когда кучеру кареты удавалось особенно лихо обрызгать зевак, собиравшихся смотреть на это зрелище.

До конца XIX в. морские купания считались делом вредным и даже опасным для здоровья. Однако врачи советовали своим пациентам дышать морским воздухом. Сооружение, очень похожее на мост, тем не менее, мостом отнюдь не является. Это прогулочный мол в английском курорте Бат, до реконструк-

ци.

Город в зеркале

Коль скоро мы заговорили о реке, естественно вспомнить о прочих водах, без наличия которых город психически не полон. В черте города реки, речки и каналы веками тяжко трудились: барки и баржи заполняли их так, что между ними почти не оставалось просвета. К этому надо добавить бесчисленные пристани и мостки, с которых полоскали белье. Только с недавнего времени, когда грузовое движение переняли на себя поезда и автомобили, реки расчистились, и город увидел в их водах свое отражение. Понятно, что сознательное отношение к водоему как важному элементу городского комфорта могло сначала проявиться в усадебном парке, устроенном по образцу Версальского, а потом, вместе с самим парком, переселиться в город – поначалу только в Лондон. Удвоение деревьев в зеркале водоема было всеми замечено, вслед за чем, отчасти из восхищения мавзолеем Тадж Махал в Индии, вошедшей в состав Британской империи, вырос излюбленный прием городского дизайна, повторяемый бесконечно – от павильона на Патриаршем пруду в Москве до здания Парламента в индийском Чандигархе, перед которым был выкопан и обрамлен огромный бассейн по проекту Ле Корбюзье, или до совсем неглубокого бассейна

В высотном комплексе Тет Дефанс в Париже, устроенном для того, чтобы в нем отразились небоскребы и абстрактные скульптуры делового центра.

Распространение укатанного асфальта вместо мощения булыжником или кирпичом в начале XX в. породило неожиданный эффект – после дождя горизон-

тальное «зеркало» улиц стало привычным, и сама размытость отражений вечерних огней на обширной поверхности придала романтический оттенок даже заурядному дню городу. В 50-е годы архитекторы всего мира полюбили изображать перспективы проектируемых зданий в именно таком отражении, и эта мода стала угасать только с того момента, когда у воды и асфальта появился мощный конкурент – стекло. Модернисты 20-х годов только мечтали о домах, похожих на стеклянные призмы, но с середины столетия их мечты обратились повальной модой, не угасшей до сих пор, хотя и несколько поблекшей. Теперь город обзавелся множеством огромных вертикальных зеркал, которые, к тому же, нередко оказались поставлены одно против другого, что создает фантасмагорию, разрывая давнюю солидность городских улиц. Более того, приставив зеркало фасада напротив старинного здания, стало возможно использовать его отражение, для того чтобы обогатить образ более чем скупой «коробки» офиса. В свою очередь архитектура «хайтек», поставив себе на службу высокие технологии, с 80-х годов начала использовать «мятое» стекло, стекло с усиленным блеском, за счет тончайших защитных пылеотталкивающих пленок на его поверхности. Более того, освоив нарезку и полировку тонких и очень больших плит естественного камня, архитекторы начали ставить приглушенного блеска зеркала приставных фаса-

дов, крепящихся к каркасу с помощью сложных конструкций. Наконец, к этому добавился все чаще зеркальный блеск стальных конструкций, пока, наконец, от эффекта калейдоскопа, дополненного все чаще ярким цветом, не устали, и количество зеркал в городе не начали в последнее время сокращать.

Последнее понятно, поскольку к стационарным зеркалам фасадов необходимо добавить витрины бесчисленных магазинов, врезанные в солидную стену старых и новых зданий. Их стекло ведет с нами двойную игру, так как по мере движения мимо они то раскрывают вид внутри, то играют роль еще одного зеркала. И еще мобильные зеркала автомобильных и автобусных окон, да еще и полированные кузова тех же авто...

С зеркалами явно заигрались, и в новейшей архитектуре все чаще можно видеть как восхитительные, так и шокирующие своими формами глухие объемы сооружений, назначение которых распознается только из надписей на фасаде или у входа. Они могут быть покрыты матовым металлом, неполированным камнем, или соединять в себе разные материалы, или, будучи из стекла, тяготеть к округлости форм, что убирает зеркальный эффект. Так или иначе, но недолгому господству зеркал приходит конец, что означает возрождение воды в этой роли.

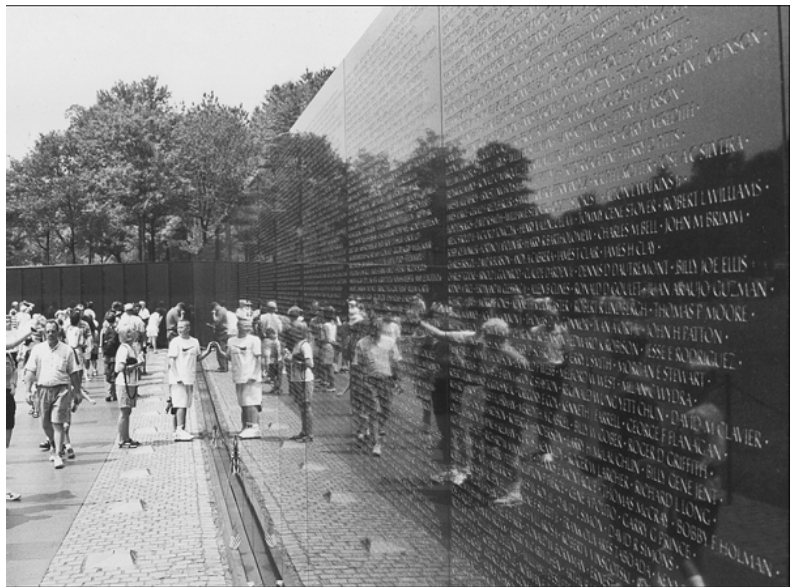

Увлеченность архитектуры зеркальными отражениями достигла апогея в 70-е годы XX в., чему способствовало изобретение пылеотталкивающего и прочих сложных стекол. Как всякий широко эксплуатируемый прием, работа с зеркальным отражением достаточно быстро стала банальностью и начала утомлять. Однако в отдельных случаях, как при создании Мемориала Вьетнамской войны в Вашингтоне, где посетитель видит свое отражение в зеркале полированного черного гранита, на котором выбиты имена всех погибших, банальность исчезает без следа.

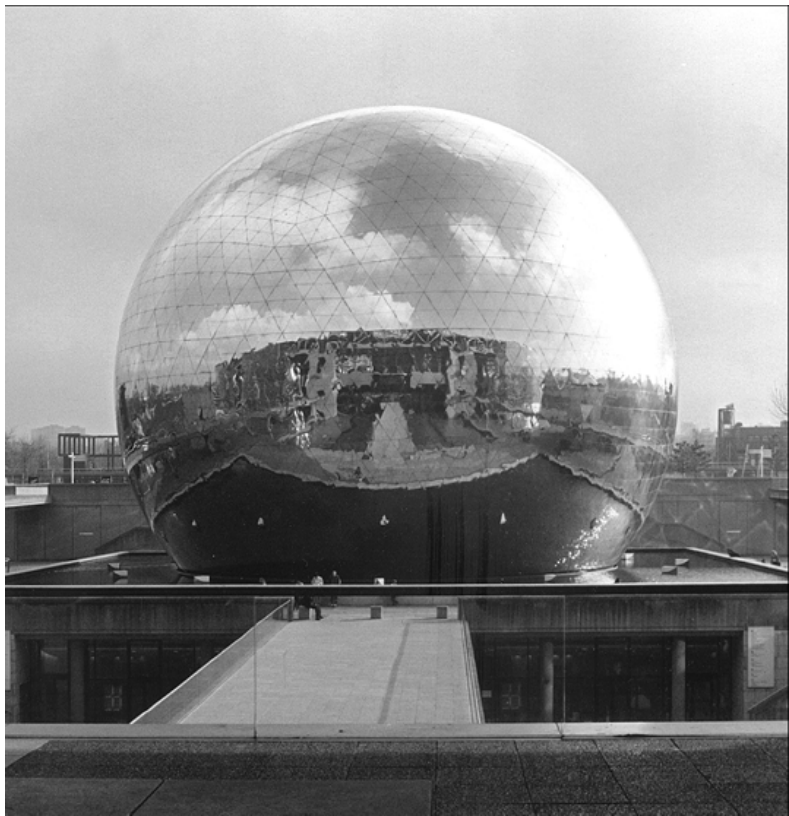

Банальность приема не исчезает полностью, но почти стирается, когда взаимодействие элементарной формы панорамного кинотеатра в парижском парке Ла Виллет с вполне тривиальной архитектурной формой павильона и подвижностью облаков образует достаточно сложный кинетический сценарий. Все началось с живописи Ван Эйка и Тициана, встроивших вертикаль зеркала в интерьер, за счет чего пространство в раме картины начало тонкую игру со зрителем. И все же нарушение тысячелетней традиции достаточно себя исчерпало.

По мере того как страсть к одинарным или двой-

ным зеркальным отражениям архитектуры в архитектуре явно остывала и с началом нового века увлеклись сложными, так или иначе деформированными поверхностями, взгляд горожанина все чаще стал с удовлетворением считывать визуальное удвоение архитектуры в традиционном зеркале водоема.

Городской «партер»

Мы не столь уж часто располагаем достаточным досугом, чтобы пытаться воспринять город как целое. Гораздо чаще город воспринимается нами так же, как воспринимает интерьер комнаты маленький ребенок, которому нужно задрать голову, чтобы увидеть лица взрослых или притолоку двери. Иными словами, внимание наше приковано к тому, что находится на уровне глаз или чуть выше. Это уровень, на котором архитектура зданий, если они выше двух этажей, воспринимается только фрагментарно.

Это царство городского дизайна, который до недавнего времени был естественным продолжением архитектуры, но в XX в. обособился и стал настойчиво выдвигаться на передний план. Афишные тумбы исчезли, вытесненные биллбордами и перетяжками, в большинстве случаев киоски, обрамление дверей и витрин стандартизовались, войдя в одно семейство с автозаправочными станциями. Если входы на станции парижского метро еще были оформлены Гимаром, блестящим мастером стиля модерн, если московское ме-

тро довоенного времени обрело надземные павильоны и монументальные входы, выполненные лучше или хуже, то большинство новых станций во всех городах мира – это всего лишь лестница или эскалатор в глубь земли, обозначенная скромных размеров знаком «М» или его аналогом на других языках. Кажется, что только старые городские центры продолжают радовать многообразием решений городского партера, отчего к ним стремятся туристы.

Однако это не вполне так. Лестница – пологая или крутая, прямая или с поворотами, то расходящаяся ветвями в стороны, то вновь смыкающаяся в одно целое, встроенная в узкую щель между зданиями или по ширине захватывающая фронт целой площади – издавна стала важнейшим элементом развитой городской среды. Им и остается. Уличный фонарь может быть утилитарным световым прибором, но может быть и произведением искусства, повторенным сотни раз – иногда имитируя старые фонари эпохи газового света, чаще превращаясь в объект изысканного светового дизайна наших дней. Тротуар, изобретенный еще римлянами, но надолго забытый и воссозданный лишь в середине XIX в., может быть всего лишь безопасной тропой пешехода через город, периодически ныряющей в подземный переход или поднимающейся на пешеходный мостик через улицу, с которого открывается еще один вид на город. Тот же тротуар способен становиться

широкой пешей дорогой, протянувшейся вдоль потока машин, и тогда на нем находится место для киосков, павильонов, цветочных ваз и выносных витрин. Человечье время от времени смотрит под ноги, и вот скучное, безразмерное полотно асфальта (впрочем, удобное для уличных художников) стали заменять простым или сложным рисунком мощения – плиткой, закаленным кирпичом на торце, крупномерными плитами или, напротив, мозаикой, тем самым существенно преобразив восприятие городского окружения.

Уже в конце XVIII в. в Париже был изобретен пассаж – крытый остекленный переход между соседними улицами, после чего пассажи возникли во всех крупных городах, а в Милане пассаж разросся настолько, что получил собственное имя: Галерия. Ее перекрестье двух пассажей под стеклянным куполом создало новый образец, немедленно воспроизведенный в Неаполе и других местах. Отсюда был уже только шаг до создания нового качества. Когда автомобильное движение превратило почти все площади в транспортные развязки, площадь стали уводить в интерьер, соединяя ее с торговыми, а затем и торгово-развлекательными центрами.

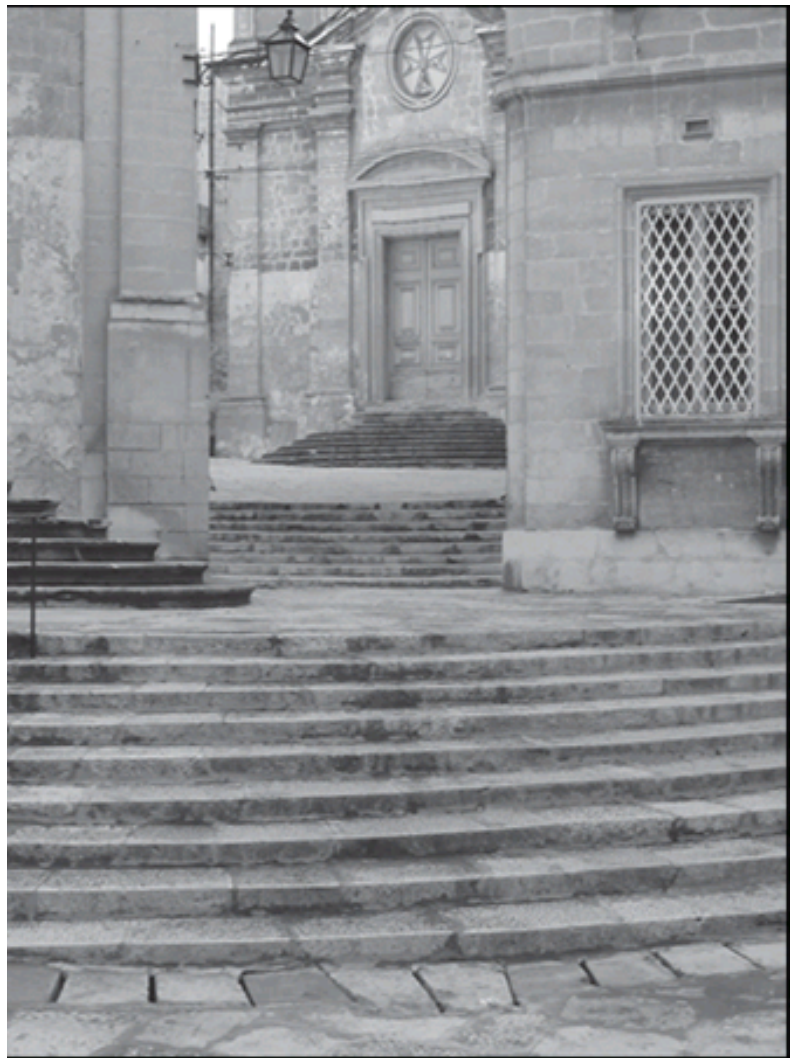
Нью-Йорк, стремясь разрешить коллизию между пешеходом и автомобилем, принял закон, согласно которому высоту зданий было разрешено увеличить против установленной для каждого квартала нормы, если

пространство под зданием будет отдано под островок покоя. Возникла «плаза» – небольшая оформленная площадь под небоскребом, с фонтаном, скамьями, бамбуковой рощицей или даже пальмовой рощей, погибшей 11 сентября вместе с башнями Всемирного торгового центра.

Новые города пытаются достичь визуальной насыщенности городского партера, не уступающей историческим центрам, и все чаще архитекторам и дизайнерам это удается.

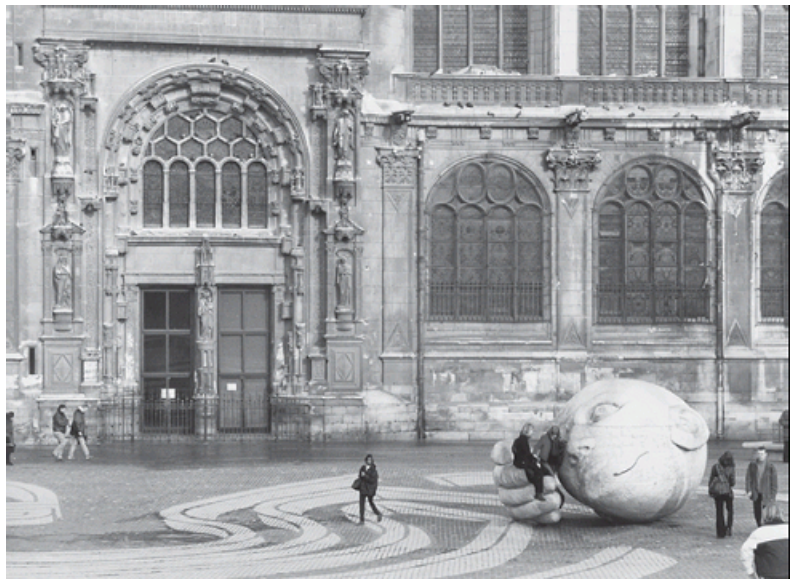

Как правило, спеша, мы редко успеваем посмотреть под ноги, да и мертвая асфальтовая поверхность не вызывает эмоций. Совсем иное впечатление от города, когда камни или кирпич замостки очевидным образом соотносимы со следом ноги – то есть с самой человеческой мерой длины, футом. В древнеримских городах тротуар поднимали на фут над плитами мостовой, которую регулярно промывали, спуская воду из водосборника на углу квартала. Нормальная высота ступени лестницы – полфута, но когда лестницу надо было приспособить для подъема конно, ступень снижали до половины фута, до высоты копыта с подковой. Город на холмах всегда выигрывает относительно города на равнине, поскольку едва ли не наполовину выстроен из лестниц. Самые скромные постройки приобретают достоинство, если они гордо возвышаются над чередой горизонталей. На ровной как стол поверхности современный дизайнер все чаще заменяет безмерность моря асфальта сложным рисунком мощения, имитирующим лестницу.

Начиная с работ префекта Османа и его архитекторов все – от фонаря и афишной тумбы, скамьи или

питьевого фонтанчика – становится темой глубокой и тщательной проработки профессионалами.

XIX век создал особый мир городского интерьера. Парижские пассажи возникли во всех крупных городах, обеспечив всем комфортную передышку от уличной суеты и заодно крайне выгодные условия для торговли. В Милане или в Неаполе стандартный пассаж разросся так, что превратился в закрытый от непогоды уличный перекресток. Со временем эту традицию подхватили повсюду, включая Москву (ГУМ), а в наше время огромные моллы стали своего рода исполнителями обязанностей города пешеходов.

И все же маленький сквер, с его фонарями, деревьями, скамьями или стульями, был и остается ценным укромным уголком. В интимном пространстве такой городской «гостиной», как этот сквер на Манхэттене, небоскребы, которые окружают его со всех сторон, зрительно исчезают. Отчасти такую же роль играют маленькие площади, почти целиком занятые выносными столиками кафе, будь то Неаполь или Авиньон. В отдельных случаях того же эффекта удастся достичь на краю даже обширной площади, если умело прижаться к стене, как это сделано перед собором Сан-Сюльпис, фланкирующим простор парижского «Форума»

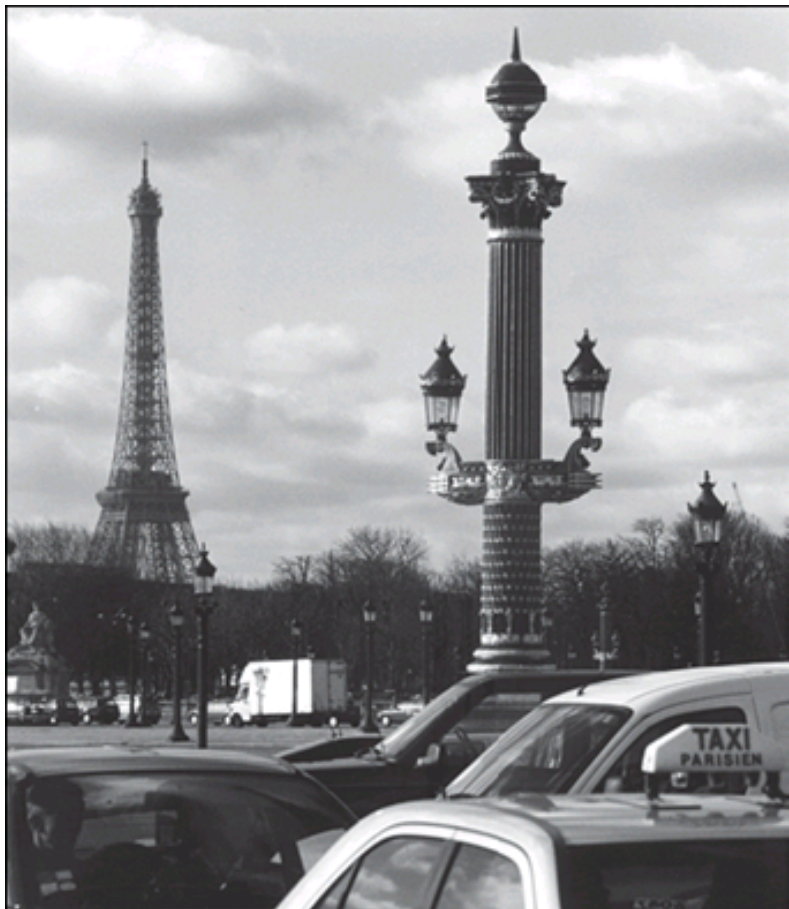

Силуэт и ориентиры

Едва ли не все древнегреческие города созданы на склонах гор, поднимавшихся почти сразу же от небольшой плоской или почти плоской площадки у берега. Отсюда их особенность – город нигде не граничил с небом, уступая эту роль вершинам гор, так что издали на фоне гор, над горизонталями плоских крыш двухэтажных домов мог выделяться только холм Акрополя, увенчанный белоснежным храмом. В этом случае храм мог быть не слишком большим – сама его исключительная позиция обеспечивала необходимый эффект. Города Древнего Рима оседлали холмы, чаще всего рисующиеся на фоне дальней горы – так над Помпеями возвышается погубивший их Везувий, и строители города постарались организовать вид на вулкан от форума, замкнув его своеобразной рамой из колоннад. Города итальянских княжеств, венчающие собой череду невысоких холмов, породили собственный ландшафт – линия их силуэта долго формировалась не храмами, а целым лесом из домов-башен, иные из которых, как, к примеру, башня семьи Азинелли в Болонье, поднимались выше сотни метров. Почти все эти башни были снесены властями купеческих республик и уцелели лишь в маленьком Сан-Джиминьяно.

Совсем иначе обстояло дело на Севере, где большинство городов воздвигнуто на лишь слабо всхолмленной равнине, и потому причудливых очертаний линия раздела между вершинами зданий и небом была

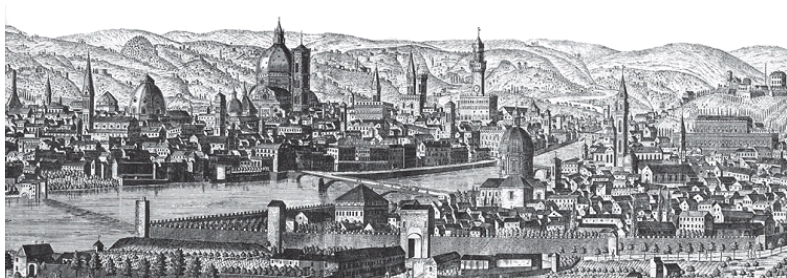
предметом особой заботы горожан. На любой старинной карте города можно увидеть отдельно вынесенный в фигурную раму силуэт. Здесь в небо устремились увенчанные шатрами колокольни могучих соборов, и началось яростное состязание высот, пока обрушения показали, что несущая способность камня и кирпича исчерпана. Самосознание городских коммун привело к тому, что в состязание вступили и шпили ратуш, а в портовых городах в мелодию шпилей высоких и ниже вступали мачты кораблей и подъемные краны. Русские города – не исключение, и здесь контрапункт колоколен и глав многочисленных церквей образовал сложный, смягченно зубчатый силуэт, опознававшийся с первого взгляда.

Ренессанс и Новое время внесли свой вклад в эволюцию городского силуэта – между шатров появились купола соборов, завладевшие небом, но к ним добавились первые многоэтажные постройки – массивные склады. За ними пришла очередь крупных административных зданий, будь то Дом Инвалидов в Париже или Адмиралтейство в Петербурге, и здесь продолжали заботиться о том, чтобы над корпусом протяженного и потому горизонтального здания поднимались башня со шпилем или купол на высоком барабане. Но вот жилые дома стали расти в высоту, и силуэт стал все более ровным, так что увидеть прежние высотные доминанты, начавшие играть важную роль ориентиров в

городах, разраставшихся вширь, можно было лишь с площади. Или с набережной, или в конце прямого проспекта, что, благодаря индивидуальности силуэта каждого из вертикальных объемов позволяло (и в охраняемых исторических центрах позволяет) понять местонахождение наблюдателя.

Америка не могла остаться в стороне, и здесь, с изобретением стального каркаса и лифта, началась подлинная гонка в высоту, в которой главными конкурентами стали, и по сей день остаются Нью-Йорк и Чикаго. Нью-Йорк выигрывает. Хотя его небоскребы ниже чикагских, силуэт Манхэттена, видимый с оживленного Гудзонского залива, популярен значительно больше, чем силуэт Чикаго, открывающийся с менее посещаемого озера Мичиган. Европа долго игнорировала это состязание, тем более что уже была Эйфелева башня, соревноваться с которой не было ни смысла, ни средств, но социалистическая Москва предприняла собственное усилие, когда в начале 50-х годов над ней поднялись высотные здания. Они долго служили отличной системой ориентации, пока выросшие новостройки не закрыли их почти полностью, оставив эффектный вид лишь обитателям пентхаусов. Гонка в высоту продолжается, перекинувшись преимущественно в Юго-Восточную Азию и в Персидский залив. Европа от нее отказалась, Америка утрачивает к ней вкус, убедившись в том, что малоэтажные офисы в экономиче-

ском смысле выигрывают у них многократно. К сожалению, Москва видит себя скорее в Азии.

Силуэты знаменитых городов подобны отпечаткам пальцев. Их элементы типологически стан-

дартны: башни, шатры, купола обнаруживаются везде, будь то Флоренция, Болонья или Сиена, исторические ядра которых сохраняются без изменений веками, или Париж. Однако сочетание этих форм на фоне городской застройки всегда уникально. Строительство Эйфелевой башни вызвало в свое время бурю негодования, но с ходом времени она превратилась в главный символ французской столицы, оттеснив более древние постройки. Полвека назад по московским высотным зданиям можно было точно определить свое местоположение в городе. Застройка последних десятилетий почти полностью закрыла эти ориентиры в безмерном московском пространстве. По всей видимости, создание группы небоскребов московского Сити не сумеет изменить ситуацию – для этого рядовая застройка чрезмерно высока.

*Лондон, чрезвычайно внимательный к своему «пар-
теру», редкоотно безразличен к своему силуэту, и*

появление высотного офиса авторства Джона Фостера рядом с Тауэром, но также и рядом с вовсе безликими домами вызвало у лондонцев скорее иронию, чем возмущение. Впрочем, высоту зданий Вестминстера вскоре ограничили.

Гонку высот между Чикаго и Нью-Йорком выиграл... Дубаи. Однако эффект облаков с озера Мичиган, плывающих между чикагскими небоскребами, или причудливые навершия небоскребов Манхэттена вошли в историю – так же, как шатры, твердой рукой воздвигнутые над московскими «сталинскими высотками».

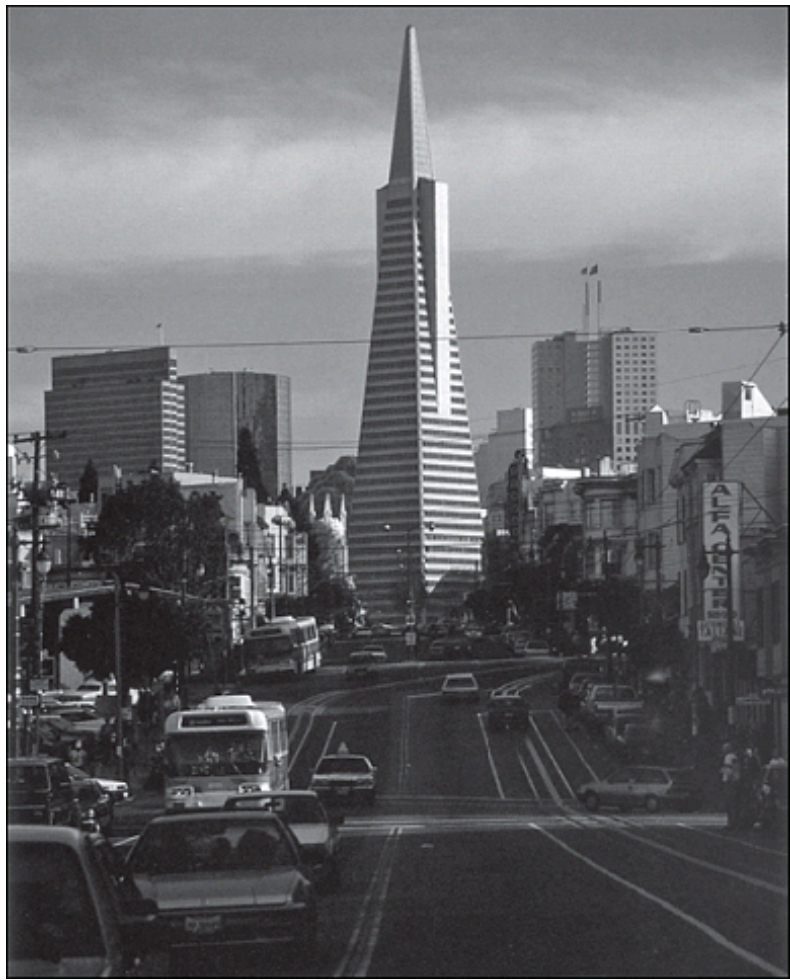

В целом мода на строительство небоскребов заметно смещается на Ближний Восток и в страны Тихоокеанского бассейна. В Сан-Франциско довольно чахлая пирамида была последней. Новейшие офисные центры перемещаются за город – поближе к обитателям «деревень-садов». И само строительство, и тем более обслуживание высотных построек стали уже очень затратным делом и все хуже окупаются.

Значительная часть офисов, арендовавшихся в не-

боскребах Бостона, Торонто или Монреаля стоят пустыми. Эмпайр-стейт билдинг в Нью-Йорке за все свои 73 года ни одного дня не окупал себя целиком, несмотря на миллионы туристов, поднимающихся на его смотровую площадку. Тем не менее борьба за обладание этим рекордом 30-х годов прошлого века ведется с прежней настойчивостью: престиж доро-
же.

Семиотика городской среды

Городская навигация не ограничивается одними высотными ориентирами, но и не начинается с современных систем GPS или ГЛОНАСС. Образ города в сознании его обитателей складывается не из одних маршрутов и не из одних зданий-ориентиров, выделяющихся размерами или необычным обликом. Этот образ формируется еще и за счет исторической памяти, общей и персональной, в которой отдельные места связаны с личной биографией. В этом специфическом образе город структурируется по названиям мест, независимо от того, приобретают эти названия официальный статус или существуют параллельно официальным наименованиям. Москвича-старожила опознаешь по тому, что он за словами Плющиха, Швивая горка или Марьино Роща прочитывает сразу два смысла: то, какой тип среды здесь ранее существовал, и то, что с этими местами стало в недавнее время. То же будет характеризовать лондонца, отчетливо понимающего, что 11-й район Вест-Энда или Южный Кенсингтон были и остаются местами очень комфортными и очень дорогими. Или парижанина, который наизусть знает различия между городскими округами, хотя со времен префекта Османа они обозначены только номерами. Ньюйоркца, ко-

торый знает, чем был Гарлем эпохи джаза, и чем он стал сейчас и что за пустырь был в той части Бруклина, где раскинулись кварталы «русского» Брайтон-Бич.

Когда планировщик отдает себе отчет в ценности такого рода укорененности городских мест в истории, он

непременно озаботится тем, чтобы сохранить в этих местах предметные свидетельства их истории. Можно не сомневаться в том, что в решении такой задачи ему окажут содействия и специалисты, и старожилы. Когда планировщик и застройщик это игнорируют, видя лишь старую застройку, которую удобнее снести целиком и заменить новой, непрерывность городской истории начинает угасать вместе со сменой поколений. Могущественный в 50-е годы администратор Роберт Мозес не был поклонником архитектуры, но, преследуя технические цели и на основании узкого понимания экономической выгоды, охотно пользовался жаждой модернистов выстроить Манхэттен заново. Его воля натолкнулась, однако, на мощное сопротивление жителей Гринвич Виллидж, возглавленное Джейн Джекобс и ее союзниками из числа обычных домохозяек. В результате сохранилось не только давнее название этой «деревни», но и живая городская среда, поскольку кварталы Гринвич Виллидж в процессе «мягкой» реконструкции вышли на высокий уровень экономической эффективности. Превратившись в место, куда устремились художники, освоившие старые фабрики и старые дома под мастерские, Гринвич Виллидж притянула жителей кафе и малых стильных ресторанов, затем антикварные лавки, затем множество туристов, а за ними и бутики домов моды с мировым именем. То же повторилось в лондонском Сохо и у «мягко» перестроенной

площади Ковент-Гарден.

Советская эпоха не признавала ни сентиментов, ни дробного, штучного накопления коммерческого потенциала и наращивания ценности (и цены) недвижимости. Крупный бизнес также не склонен к такой избирательной и тонкой работе, предпочитая огромные супермаркеты и гипермоллы. Однако опыт последнего десятилетия показал, что две разные системы коммерции отлично уживаются, поскольку обслуживают потребности разных социальных групп, равно как и разные потребности тех же самых людей.

Если раньше вывески ручной работы по размерам и детализовке были близки к мебели, то теперь они разрослись так, что нередко их буквы занимают весь фасад. Если до середины прошлого века объявления не превышали размеры печатного листа, что породило искусство плаката, то теперь это уличные перетяжки и билборды. Огромные электронные табло переселились со стадионов на глухие фасады зданий или превратились в своего рода монументальную скульптуру. Архитектурное оформление центральных по насыщенности площадей перерастает в мобильное знаковое оформление, как это уже произошло с нью-йоркской Таймс-сквер. Семиотическое конструирование города началось, и никто еще не представляет себе, к чему приведет реализация рассказов Рея Брэбери или романов Станислава Лема, которые называ-

ли фантастическими.

С той поры, когда на городских улицах появились вывески, продолжается спор знака как такового и знаковости самой архитектуры. На острове Капри сохранилась трогательная традиция обозначения личного имени дома. В Лондоне или Барселоне очень тщательно следят за размерностью и стилем надписей. Только для площади Пикадилли Серкус сделано исключение: американского стиля реклама сохранена здесь как память о послевоенном десятилетии. США в отношении рекламы в городе совершенно лишены рамок приличий, к сожалению, именно американская традиция старается угнездиться в наших городах. Впрочем, робкая выкладка товаров в Ессентуках скорее трогательна и добавляет жизни фасаду недавно еще наглухо закрытого подъезда старого дома.

Луна-парк

Когда модернисты XX в. утверждали свои схемы функционального зонирования города на ареалы жилья, работы и коммерции, они признавали потребность в физических упражнениях. Николай Милютин, исходя из модной тогда идеи закаливания, отрицал, впрочем, надобность в закрытых спортивных сооружениях в пользу занятий физкультурой на свежем воздухе в любую погоду. Однако будучи людьми очень серьезными, модернисты напрочь упустили из вида потребность людей в развлечениях.

С незапамятных времен рынок был не только местом торговли. Конечно, одним из главных развлечений толпы были казни, включая сожжение еретиков. Вековая жестокость стягивала людей к Болотной площади Москвы, Гревской площади Парижа, а в Лондоне, где большой площади долго не было, для этой

цели служил лед Темзы, которая в XVII в. еще замерзала. В Москве главный торг разворачивался на льду Москвы-реки, когда к столице стекались обозы по санному пути. Что на Востоке, что на Западе, к рынку стягивались жонглеры, наперсточники, заклинатели змей, потом раешники с их марионетками в крошечной будке. В дни рождественских и пасхальных празднеств зрелище выплескивалось на улицы, отданные народному гулянию, где смешивались в толпе люди разных сословий. Вдоль трассы досужего движения толпы выстраивались балаганы и сопутствующая лоточная торговля.

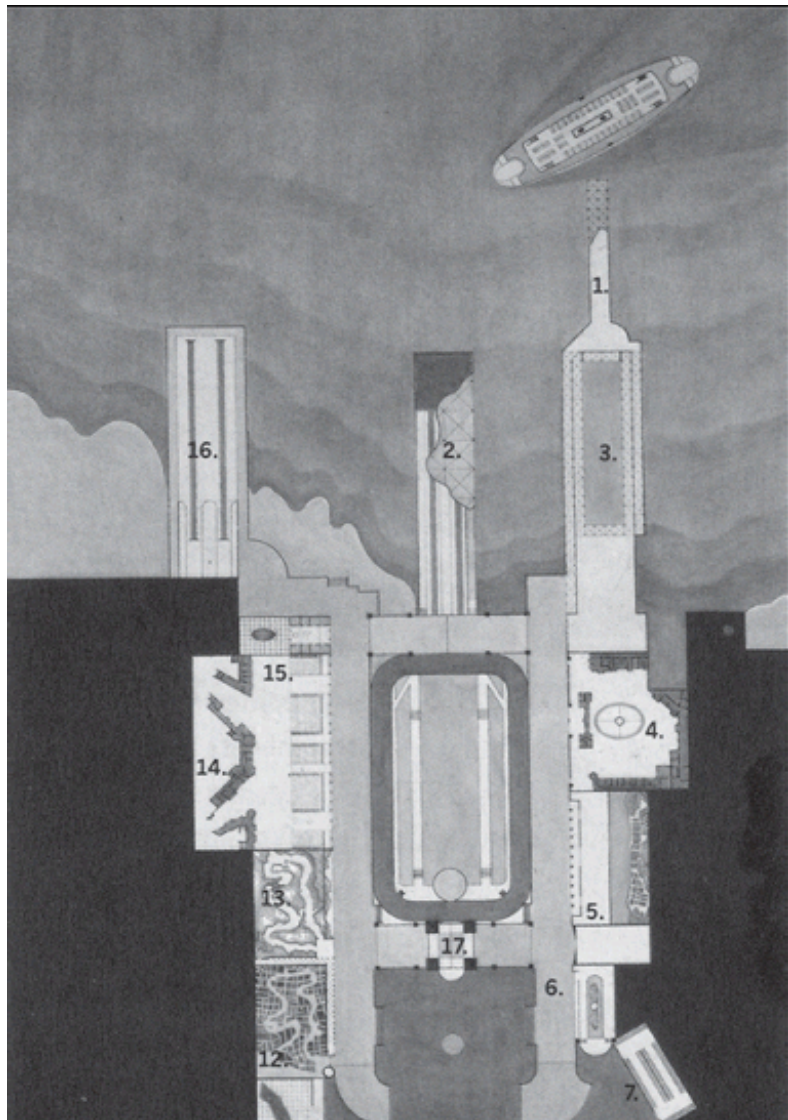
К середине XIX в. о прежних суровых нравах начали забывать, но потребность в зрелище, и в особенности в зрелище с участием смельчаков из толпы, осталась и окрепла. Карусели, качели, бросание в цель ради получения грошового приза – все это долго оставалось делом сугубо временным, но рано или поздно должна была появиться идея создания публичных мест, где эти нехитрые забавы могли бы закрепиться постоянно. Множество развлечений было раньше рождено галантной эпохой в загородных парках. Фонтаны из Версаля перекочевали в Петергоф или в потсдамский Сан-Суси, прежде чем найти себе неременное место в репертуаре парка развлечений. Катальная горка царицы Анны Иоанновны породила феномен «русских горок», которые вернулись позже в Россию под именем горок американских.

Уже при создании юбилейной Колумбовой выставки в Чикаго, о значении которой в становлении Большого стиля мы уже говорили, зона развлечений, связанная с зоной основных павильонов рельсовой дорогой, заняла несколько гектаров, но только при создании нью-йоркского комбината развлечений на острове Кони-Айленд его размах можно было уже сопоставить с крупнейшими городскими ансамблями. Еще в 1876 г. именно на Кони-Айленде установили разобранную на элементы стометровую Башню Столетия, перевезенную из Филадельфии, и телескопы для разглядывания Манхэттена стали ядром будущей «Страны Грез». С 1883 г., когда Бруклинский мост был торжественно открыт, пляжи Кони-Айленда становятся излюбленным местом недорогого отдыха для тысяч обитателей Манхэттена. Толпа уже была обеспечена – оставалось ее занять с выгодой, и гениальные проектировщики во главе с Вильямом Рейнолдсом делают великое открытие – главная цель людей, страдающих от одиночества в огромном городе, найти друг друга, преодолеть отчужденность еще очень формальной эпохи и попросту познакомиться. Возникла сценарная схема, включившая «Цилиндры любви», вращение которых создавало физический контакт между мужчинами и женщинами, «Туннели любви», где они оказывались в лодочках на поверхности подземного озера под насыпным холмом. Здесь же «Скачки» на макетах лошадей, где всадники

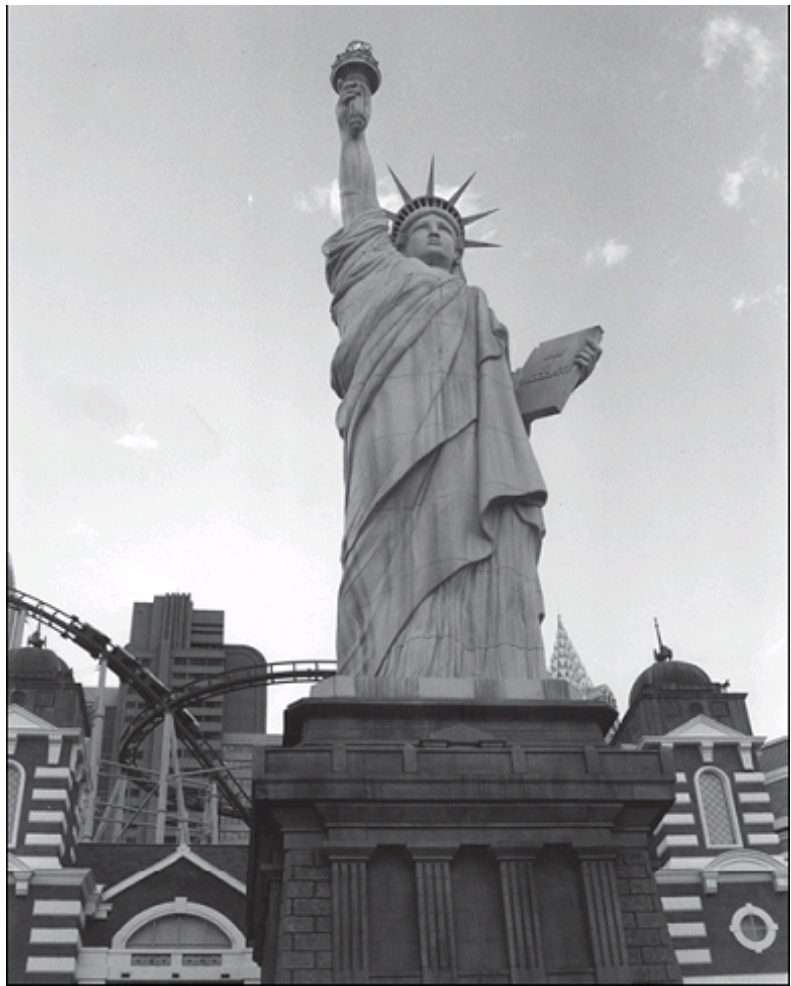
управляли скоростью, меняя наклон корпуса. Вторым открытием стало использование электрического освещения, с тем чтобы создать центр развлечений, оперирующий 24 часа в сутки, и в 1903 г. на острове возникает второй центр – Луна-парк. Это уже был гигантский комплекс, по габаритам соответствовавший всему ансамблю императорских форумов Рима.

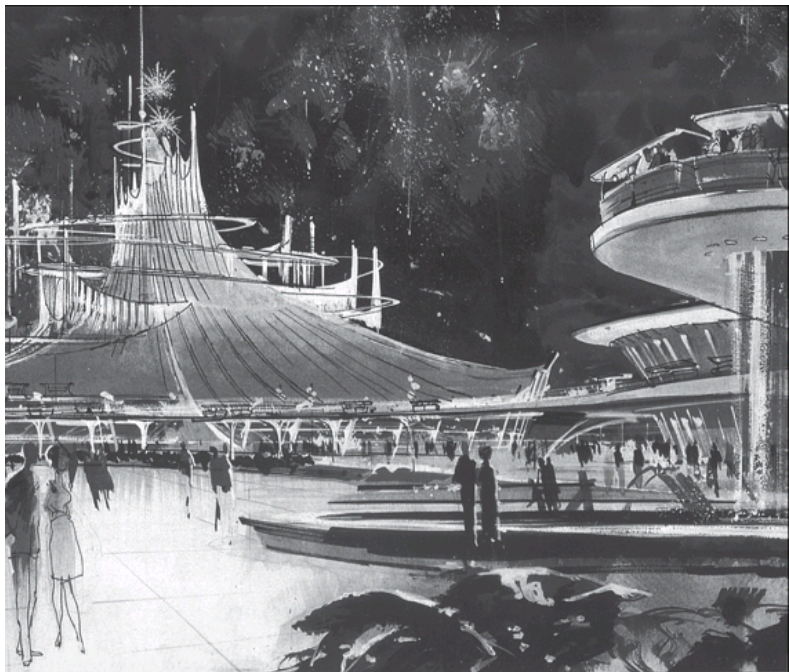
Здесь было все – от пирса длиной 700 м до «русских гор», к вершине которых вел эскалатор с пропускной способностью 60 тыс. человек в час, до страны Лилипутии. Затем был третий парк – «Страна Грез», и до Диснейлендов оставался один шаг.

От поистине грандиозного комплекса луна-парков на острове Кони-Айленд остались лишь фотографии невысокого качества (весь этот комплекс работал круглосуточно, и больше всего народа там было по вечерам) и несколько упоминаний в новеллах О'Генри. Все было уничтожено в пожаре. Однако однажды созданная система возродилась в семействе Диснейлендов, где было воспитано уже несколько поколений людей, которые не делают различия между иллюзией и реальностью. Эта статуя Свободы – в Лас-Вегасе, вместе с «Манхэттенем», в треть исходной величины.

Как это ни парадоксально на первый взгляд, Диснейленд, как прямой наследник Луна-парка, оказался источником, от которого следует отсчитывать увлечение постмодернизмом в создании облика современного города.

Архитектура зрелища оказалась сильнее архитектуры бытия и оказывает на нее все растущее воздействие. Бакминстер Фуллер создавал свои геодезические купола и сферы ради того, чтобы экономить материал. В Орландо эта же форма ста-

ла оболочкой «Мира Будущего». Уже оттуда, из Диснейленда та же форма была перенесена в гавань Генуи. Джон Хенч, многолетний дизайнер Уолта Диснея, вынуждал архитекторов разыгрывать пространственную форму ради сценария такого пребывания в зачарованном мире Микки-Мауса, когда грань между родителями и детьми стирается. Не удивительно, что теперь магазин может быть покрыт блестками, как платье Золушки, а замок, отчасти копирующий реальную сказку австрийского замка, заимствованную у братьев Гримм, построен.

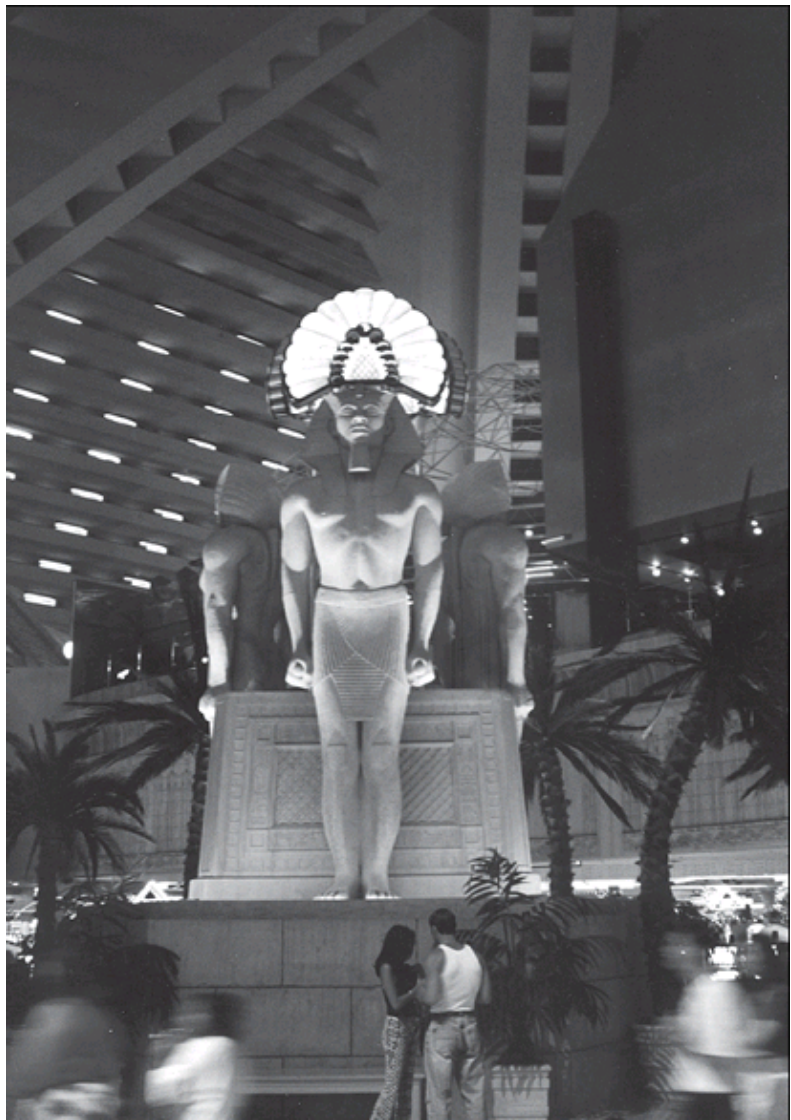

По сравнению с сугубо наивным предъявлением камерного театра на улочке Авиньона, сегодняшняя театрализация жизни делается всерьез и масштабно. Лас-Вегас, в котором азарт отступил перед развлечением как таковым, держит первенство. В добротном воспроизведенных формах эпохи барокко «Дворец Цезаря» укрыта пышность «римских» интерьеров, отчасти заимствованная из музеев, отчасти из Голливуда. Пирамида Хеопса в половину ее истинной величины оказывается пустой оболочкой, внутрь которой аккуратно вдвинуты точные копии портала храма и статуи фараона Тутмоса III. Оста-

ется добавить, что внутрь можно попасть, только пройдя между лапами довольно грубо слепого Сфинкса, а в залы игровых автоматов ведет колоннада «египетских» колонн.

Разумеется, это не более чем вполне невинная забава для взрослых, однако все заметнее, что тот же принцип зрелищности во имя зрелища начинает все ярче проступать в архитектурных решениях новейшего времени. Уже появились глухие фасады, на прочь разрушаемые зрительно цветом. Уже появились глухие фасады, на которые проецируются то пейзажи, то известные картины. К чему приведет увлеченность такого рода, предсказать невозможно. Похоже, Бредбери и Лем писали отнюдь не фантастику.

Сценарии городского пространства

Совокупность впечатлений, формирующих образ города в сознании, незаметно для него управляется той или иной сценарной схемой. Для городов древности такая схема складывалась самопроизвольно из разделения в пространстве обыденного, мирского, и праздничного, сакрального. Никто в обычный день не мог ступить на камни дороги процессий, для чего на входе в афинский Акрополь в V в. до н. э. воздвигают великолепный парадный вход, Пропилеи. Обычные люди в обычный день могли подняться через них по боковым лестницам, тогда как широкий пандус между этими лестницами был открыт только богам и их жрецам. Высокие ступени стилобата, на который ставился храм, были для богов, и римляне, ценившие комфорт, врезали в эти ступени лестницу нормальных размеров – для людей. Первые два века новой эры каждый римский император возводил свой форум, пристраивая его к форуму предшественника, в результате чего сложился пространственный комплекс узких и обширных площадей, с их колоннадами, нишами-экседрами, монументами. Даже в уцелевших руинах сегодня угадывается богатство смены направлений пути и его оформления.

Средневековый город максимально использовал ограниченные ресурсы свободного от застройки про-

странства площадей, на которых торговали, выслушивали решения магистрата, казнили преступников, праздновали. На закрытую от ветров со всех сторон площадь Кампо в Сиене улочки города выводят сбоку, по касательной, или через арки под домами. Зимнее солнце и сегодня согревает рисунок мощения площади, отражающий членение города на части-сообщества. И сегодня здесь дважды в год проводится состязание всадников, в костюмах все тех же сообществ, и тогда балконы и окна окрестных зданий превращаются в трибуны для зрителей, выкупающих свои места за полгода. Тень от высокой башни ползет по мощению площади, играя роль солнечных часов. В Венеции с ее единственной большой площадью Св. Марка звон разных колоколов сзывал именно тех, кого хотели собрать, а дома-дворцы вдоль Большого Канала в день Венчания Дожа с морем увешивались драгоценными коврами, что создавало роскошные кулисы для неспешного следования золоченой барки Дожа к лагуне.

Сценарную схему Амстердама или Антверпена формировали связи порта и биржи, каналов и улиц, сбегających к зданию ратуши, тогда как сценой выяснения споров между противоборствующими группами новгородских «лучших людей» служил мост через Волхов.

Возрождение привнесло новый оттенок сценариям городского пространства, за которые теперь брались

художники. Рим первым начал жить по двум сценариям в одно и то же время: один для постоянных жителей, другой – для толп паломников, съезжавшихся в Вечный город со всей Европы. Именно для оформления парадного съезда кардиналов, для упрощения ориентации и движения между святыми местами была предпринята грандиозная реконструкция улиц. Пристрастие к вычерчиванию геометрических фигур поверх сложившейся веками городской планировки было естественным образом унаследовано городами новой, имперской эпохи. Система площадей и трассировки улиц, бульваров, набережных сохранила удвоение функций: комфорт горожан (во всяком случае т. н. чистой публики) требовал развития инфраструктуры, но все же на первом месте оказывался церемониал военных парадов и торжественных въездов монарха – по той же модели в советских городах основой планировочного решения оказывался сценарий ритуальных шествий демонстраций трудящихся перед трибуной начальства (всюду) и военных парадов – в столицах.

Модернизм пробовал обойтись без сценариев, но жизнь оказалась сильнее, и в каждом городе существует своя система сценарных схем, вроде тех, что характерны для, казалось бы, сугубо утилитарной планировки Нью-Йорка. Есть ритуал концертов на открытом воздухе в Центральном парке, ежегодный мара-

франский забег десятков тысяч горожан, выбрасывание из офисов небоскребов бумажной «лапши» в честь победы бейсбольной команды, толпа горожан и туристов на Таймс-сквер в новогоднюю ночь.

Главная улица, набережная и всякая площадь – отнюдь не только пустое пространство, необходимое для того чтобы разойтись по делам. Издавна это важнейшие сцены городского «театра». Улица была и остается каналом, по которому движутся процессии. На площадях оглашали указы, казнили и наказывали преступников, здесь было место странствующих комедиантов. По мере того как город капиталистической эпохи становился все более серьезным и торопливым, зрелища прятались в интерьеры, а улица становилась транспортной артерией. Формирование вновь пешеходных улиц, закрытых для транспорта, и огромная популярность этих мест доказали, что потребность в городском «театре» отнюдь не исчезла. Освобождаясь от транзита, улицы, площади и набережные становятся вновь тем, чем они должны быть в первую очередь – сценой, на

которой актеры и зрители – те же самые пешеходы.

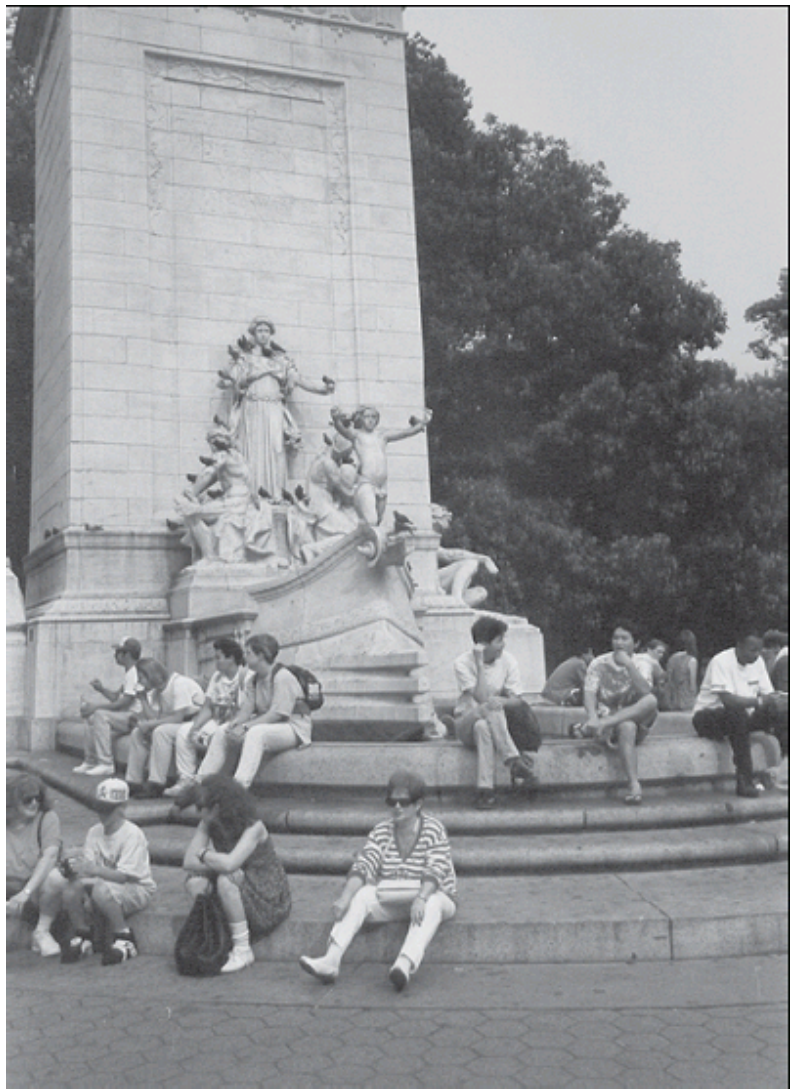

Среди множества уличных сценок, которые запечатлены рукой художника или объективом фотографа, есть немало таких, что вошли в хронику переустройства городов. Здесь – снос и расчистка старых кварталов Парижа ради создания прославивших его бульваров и их солидной застройки.

Городской ансамбль

С выхода в свет в 1889 г. книги Камилло Зитте «Художественные основы градостроительства» внимание урбанистов-исследователей было надолго приковано к теме, которая означала закрепление особой мыслительной конструкции. Во-первых, город оказался сведен к планировочной форме города, а во-вторых – центральные комплексы стали замещать собой в сознании всю городскую ткань. Иными словами, это закрепление позиции туриста и эстета, недаром первая же глава книги Зитте имеет название «Взаимосвязь между постройками, монументами и площадями».

Это мощная норма культуры, так что город, в котором нет мест, где взаимосвязь, названная Зитте, обретает качество художественного целого, воспринимается как неполный. Он может быть удобен для жизни в ее утилитарном измерении, но ординарен, скучен, ничем не запоминается, что снижает его привлекательность для всех – от последнего обитателя до потенциального инвестора.

Чем, собственно, ансамбль отличается от комплек-

са, т. е. группы сооружений и пространственных разрывов между ними, сцепленных неким общим назначением? Тем, что функциональная сопряженность дополнена художественной связностью, благодаря которой изъять хотя бы один элемент из целого, грубо заместить его другим без оглядки на целое значит утратить некую особенную ценность. При этом простая однородность оформления фасадов отнюдь еще не делает их комплекс ансамблем, он отнюдь не обязательно возникает и при введении дополнительного условия пропорциональной сгармонизованности объемов зданий и воздушных промежутков между ними. Для того чтобы возник ансамбль, требуется еще толика магии, подобной той, что отличает гениальное произведение композитора от рядового. Как в музыке, так и в архитектуре объяснить ансамбль сложнее, но почувствовать его дано всякому, даже если этот всякий не владеет специальной художественной эрудицией.

Великие пирамиды в Гизе образуют ансамбль, ансамблем является связь между Парфеноном, Эрехтейоном, Пропилеями и маленьким храмом Ники на Афинском Акрополе, но не весь Акрополь. Форум Траяна образует ансамбль благодаря тому, что на нем соединено множество разнородных элементов. Это могучие, прямые колонные портики и портики полукруглых эксedr, конный монумент на высоком пьедестале (не сохранился) и широкий проход через сумрак огром-

ной базилики, где одновременно шло несколько судебных процессов. И это узкие проходы между павильонами библиотек и цоколем колонны Траяна, в ближней перспективе взмывающей вверх, в небо, и наконец — небольшая площадь, в глубине которой возвышался храм обожествленного императора. Но вот форумы в целом образуют комплекс, но не ансамбль.

Ансамбль есть архитектурно-художественное оформление драматургии пространственного сценария, в котором, как в симфоническом оркестре, каждый инструмент ведет собственную партию, но вместе они несут единую мелодию. Таким ансамблем, с простой мелодией, но могучим звучанием, стали столь разные структуры, как площадь Св. Петра в Риме или Дворцовая площадь в Петербурге.

Таков классический ансамбль с XVII по XIX в. XX век сменил музыкальные пристрастия, и среди множества созданных им комплексов я склонен выделить один — ансамбль Рокфеллер-центра на Манхэттене, идеально отвечающий эпохе классического джаза. Не исключено, что такое возникло потому, что единое целое, слившееся в виде исключения два типовых квартала, было «сыграно» объединенным усилием семи архитектурных бюро. Напротив, все попытки создать ансамбль силами одного, даже если этот один именуется Ле Корбюзье, убедительного результата не дали.

Можно ли говорить об ансамбле применительно к

нашему времени, пережившему и рок-н-ролл, и панк, и рэп? Ответа на этот вопрос пока нет – чаще удастся встроиться в ансамбль, уже сложенный трудами поколений, однако исключить этого нельзя. Линкольн-центр на том же Манхэттене не получился – он беден разнообразием, но нельзя исключить того, что Таймс-сквер с ее фантасмагорией световой музыки эпохи хай-тек таким станет.

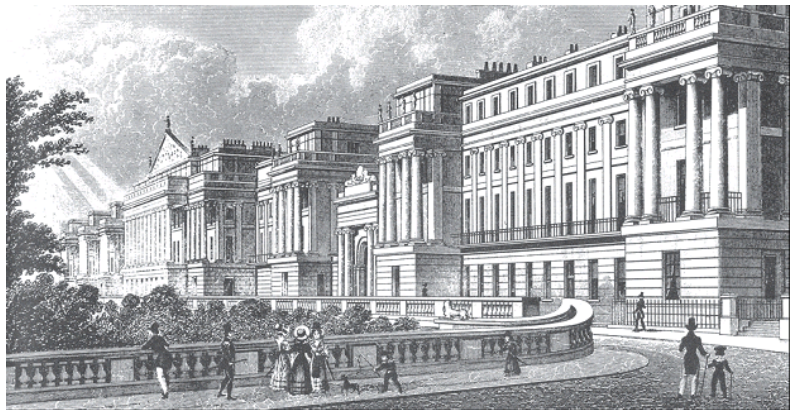
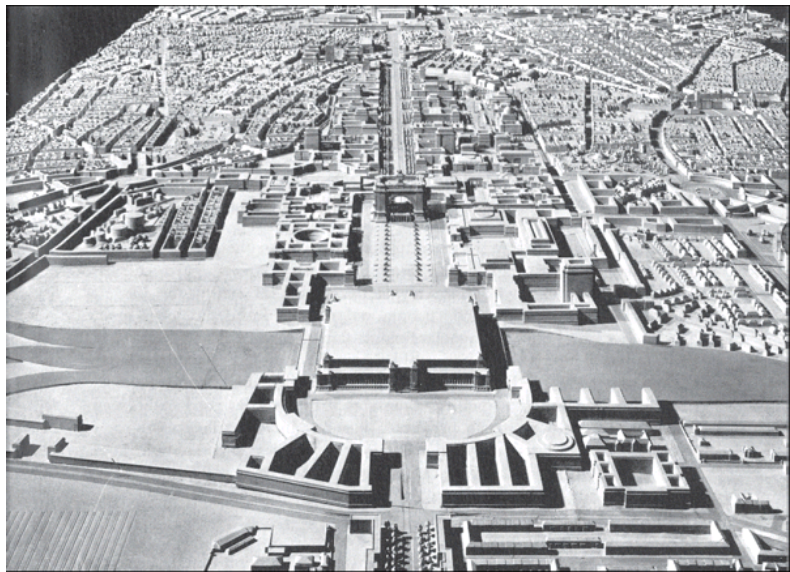

Простейшая форма ансамбля отстроена на трех простых принципах: осевая композиция, парная симметрия, повтор элементов при, как правило, всего двух ритмических рядах, как, скажем, в случае Бранденбургских ворот в Берлине.

При всей элементарности этих правил подробная отработка деталей и четкая выделенность центрального элемента придавали целому без труда считываемое единство, как в «полумесяцах», из которых сложен Эдинбург XIX в.

Простейшие схемы могут породить изысканные

решения, подобные парижской площади Согласия, но, при утрате чувства меры, могут вырождаться, и тогда возникают холодные фантазии вроде проекта центра Берлина, над которым Альберт Шпеер трудился вместе с фюрером.

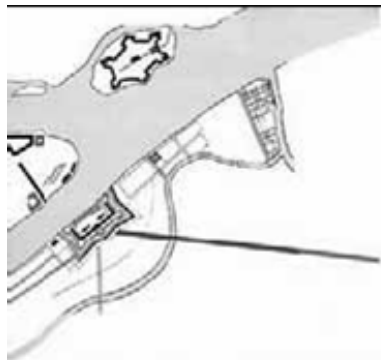
Более сложные ансамбли возникают по единому плану, как это произошло с т. н. «террасами» Лондона, для которых Джон Нэш использовал пять ритмических систем.

Наивысшей сложностью и потому особым очарованием обладают, однако, те ансамбли, что нарастают в течение долгого времени, путем прибавления новых элементов так, что новое целое охватывает прежнее целое и включает его в себя. Таким свойством обладает ансамбль площади Св. Марка в Венеции, ансамбль в Пизе, Красная площадь Москвы, после того как Померанцев поставил здание Торговых рядов, Шервуд – здание Исторического музея, и Щусев – Мавзолей, который стал неотъемлемой частью площади, независимо от его содержимого.

Превосходным примером разраставшегося ансамбля был и остается центр Петербурга, эволюция которого показана на схемах, тогда как облик его – и в целом и в частях – знаком каждому достаточно хорошо. Гораздо сложнее обстоит дело с попытками выстроить современный ансамбль, и прежде всего потому, что нынешний архитектор, как правило, от-

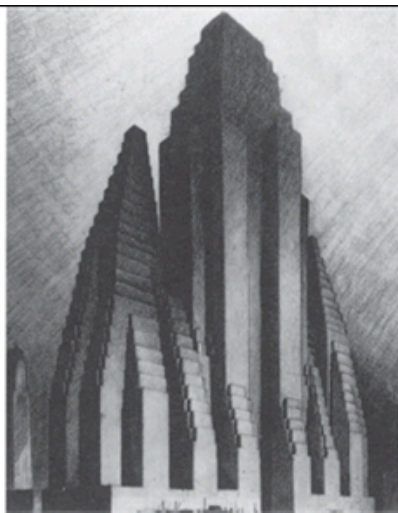
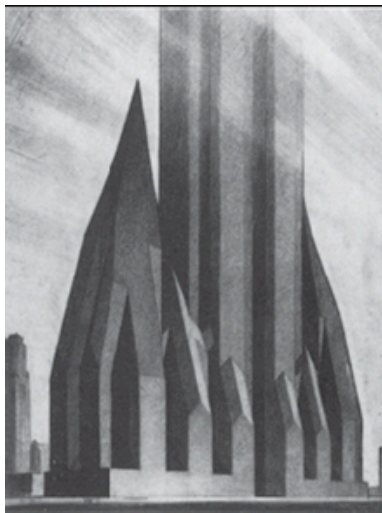
вергает самую мысль о том, чтобы подчинить свое решение решению своего предшественника. Культ авторства явно вступает в противоречие с давней культурой выращивания ансамбля.

Правила игры

В городском сообществе, с самых его начал, любые пространственные сценарии оказываются в рамках неписаного права или свода законов. Знакомые со школы законы Хамураппи жестко регулировали правила изменения границ домовладений и компенсаций за урон, нанесенный соседу при перестройке. Конституции греческих городов-полисов в деталях прописывали правила общежития, а римляне кодифицировали эти правила в знаменитых Дигестах (выдержках) юриста Ульпиана. Нельзя затенять сад соседу, надстроив собственный дом или забор на меже, нельзя на дюйм нарушить священные границы храмового участка и т. п. В Византии Дигесты были дополнены специальной статьей о защите вида из каждого дома на воды Босфора, что было унаследовано и строителями русских городов: вид на реку или озеро был ценностью.

Средневековые города Европы регулировались в мельчайших частностях, когда речь шла о предельной высоте домов или о выступах по второму и третьему этажам – впрочем, само постоянное повторение этих правил явно указывает на то, что их постоянно же нарушали.

В более поздние времена, в пределах городской черты, стремились законодательно прекратить или хотя бы ограничить строительство в дереве. Прописывали правила, по которым домовладельцы обязывались содержать в порядке мощение улиц напротив фасада своего дома, а в городах, где муниципальная власть была крепче, – еще и выметать весь мусор на середину

улицы, откуда его подбирали особые команды. Менялось многое – кроме чрезвычайной устойчивости границ домовладений, нанесенных на выверенные планы кварталов. Нарушать эти границы, осуществляя принудительный выкуп, ради общих городских нужд, смогла уже только централизованная власть Нового времени.

С XIX в. законодательно закреплены «красные линии», определяющие грань между частным и публичным пространством. Затем стали закреплять правила, по которым фасады домов либо выносились на красную линию, либо имели фиксированный отступ от нее, либо домовладельцам предоставлялось право определить этот отступ самостоятельно.

Во Франции или в России такого рода правила устанавливались государством, за соблюдением их следили чиновники министерств внутренних дел, а планировки городов прямо утверждались верховной инстанцией. В странах с большей независимостью муниципалитетов все решения принимались ими, хотя появление новых конструкций и новых материалов заставило и в этих странах вводить единые технические стандарты строительства. В любом случае утвердилась система, четко регулирующая отношение высоты зданий к ширине улиц, а площади подошвы зданий – к площади участка.

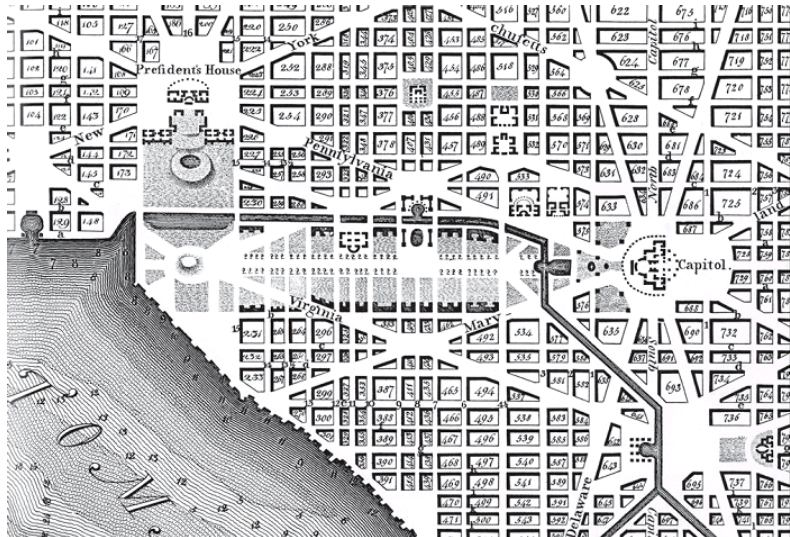
Увеличение высоты сооружений вызвало к жизни закон 1916 г. в Нью-Йорке, обязавший делать отсту-

пы внутрь участка через два десятка этажей, чтобы обеспечить доступ солнечного света в улицы-каньоны, и этот закон, подобно отсутствующему в этом городе главному архитектору, определил силуэт и структуру застройки. При разработке региональных планов развития европейских городов к началу XX в. уже сложилась практика детального регулирования всех параметров городской среды, а в США к ней добавился зонинг – зонирование по функциональному использованию. В новых городах, построенных в духе Нового урбанизма, и в многих пригородах дотошность правил распространяется на типы детализовки, покраску зданий и даже на цвет занавесок в окнах – таковы контракты, которые покупатели недвижимости подписывают с застройщиком. Зонинг стал инструментом имущественной сегрегации, вызвав к жизни рыхлую структуру современного американского пригорода, и в новейших проектных программах, как, к примеру, в случае Денвера, наблюдается последовательный отказ от этой обедняющей схемы. В современной России мы до сих пор не определились с правилами застройки и реконструкции городов. Советская традиция склоняет к единому стандарту, тогда как разнообразие ситуаций – к большей дифференциации, но главное в том, чтобы понять и наконец договориться о том, где кончается городской закон и где начинается проект планировки. Пока еще в этом вопросе в головах царит изрядная путаница.

Наложение прямоугольной и диагональной сеток в плане Вашингтона, квадрат квартала со срезанными углами в генеральном плане Серда для Вашингтона, закон 1916 г. об отступах по высоте небоскреба в Нью-Йорке – все это примеры блистательно заданных и, главное, неуклонно соблюдаемых правил игры при построении города.

Генеральный план объекта

Вокруг планировочной документации накопилось множество недоразумений, и ее собственное содержание чаще всего путают с правилами, заданными в иной системе регулирующих документов, и главное, с технологией доступа к ним. И еще волей чиновников, которые в наших условиях владеют монополией на интерпретацию норм и правил.

Генплан объекта – древнейшая планировочная форма, определяющая позицию сооружения или группы сооружений на участке в рамках норм, определяющих разрешенный отступ от красной линии, предельное отношение застроенной площади участка к общей его площади. В современных условиях важнейшее значение имеет, во-первых, точная привязка сооружения к

топографической сетке координат, во-вторых, возможности подключения к инженерным сетям. В принципе эти характеристики должны содержаться в паспорте участка, и в старых городах мира они давно включены в реестр, нередко наряду с т. н. конвертом – абстрактной пространственной фигурой, которая уже определяет предельную высоту и площадь подошвы будущего сооружения. В наших условиях эта работа только начата, и ведется она неспешно, что порождает множество трудностей. Собственное проектное содержание такого генплана определяется всегда как компромисс между представлениями заказчика и представлениями архитектора, к чему в условиях старого города могут добавляться особые ограничения, накладываемые необходимостью соблюдать неприкосновенность охраняемых видов и/или соседством с памятником истории и культуры. Проектное содержание включает также освоенность подземного пространства участка, с учетом его геологических и гидрогеологических особенностей, и, наконец, вопросы ландшафтной планировки и дизайна.

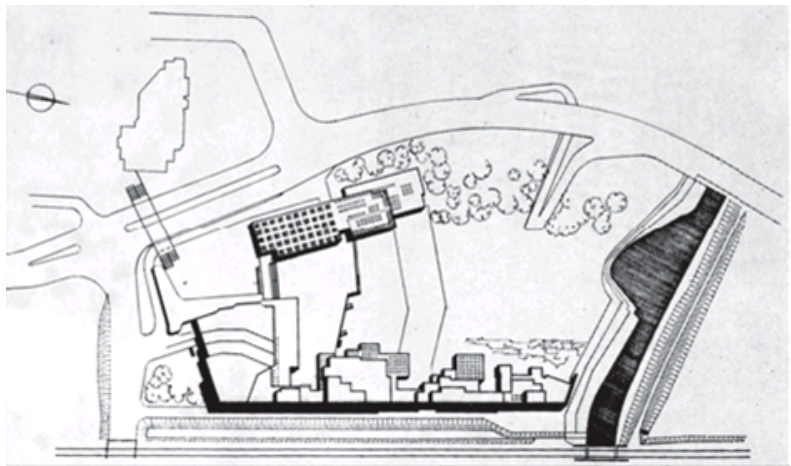
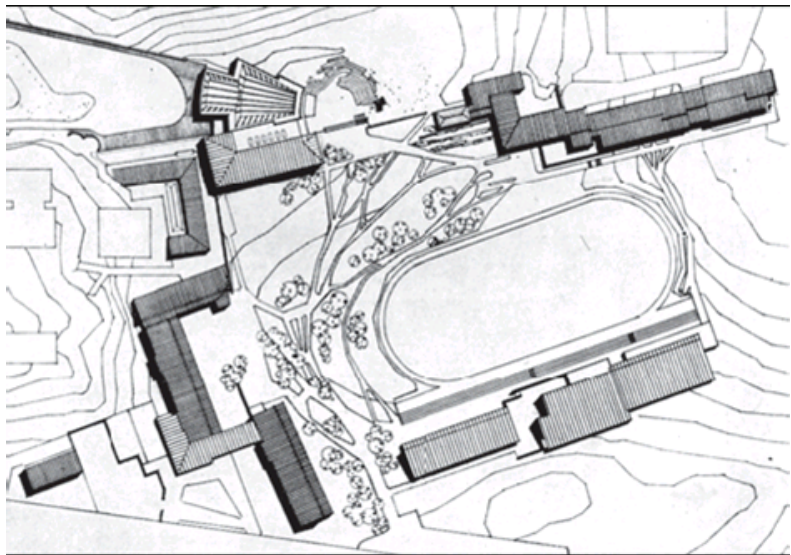
Применительно к пригородному поселку или малому городу-спутнику, который формируется по единой девелоперской программе, генплан участка сводится скорее к ландшафтному дизайну, поскольку все прочие требования уже predeterminedены детальной планировкой целого. Применительно к «вставке» в суще-

ствующий городской квартал генплан объекта сведен к техническим составляющим, но предполагает предъявление плана измененного целого. Еще проще дело обстоит с перестройкой таунхауса, так что в действительности только проектирование сложного по очертаниям, крупного объекта выдвигает перед планировщиком действительно сложную задачу. Особенно в том случае, когда речь идет об объекте, расположенном в гуще застройки, и отнюдь не обязательно в центре города – в любом случае грамотный генплан объекта предполагает достаточно глубокую аналитическую работу.

В состав этой работы включается влияние нового объекта на систему транспортных коммуникаций – понятно, что офис на десятки тысяч квадратных метров, жилой комплекс с сотнями квартир или торговый центр существенно перестраивают распределение нагрузок на уличную сеть. Характер и потенциальная стоимость недвижимости в новом объекте окажутся в зависимости от множества дополнительных характеристик среды. Здесь и непосредственное соседство нового объекта (с перспективой его изменений), и близость к основным маршрутам общественного транспорта (с такой же перспективой), и близость парка, и дистанция до привлекательных учебных заведений и торговых центров, и вид из окон, наконец. В условиях резкого возрастания потребления электроэнергии и

тепла все чаще оказывается проще обеспечить крупный объект автономной инженерной системой, чем добиться подключения к городским сетям, тем более что муниципальные власти упорно стремятся переложить расходы на реконструкции сетей на застройщика.

Фактически в случае генплана крупного и сложного объекта основной объем работ по меньшей мере поровну делится между аналитическим исследованием и детальным проектированием. Не удивительно, что во всех странах процесс разработки согласования генплана такого объекта растягивается на срок, сопоставимый со временем строительства, и существенно сократить длительность процесса невозможно – даже в благоприятных условиях, когда вся исходная документация собрана в паспорте участка.

Вверху – генеральный план застройки Новой Тулузы (Жан Кандилис). Фрагмент ясно указывает на последовательное развертывание общей планировочной схемы. Проект университета (Алвар Аалто) преодолевает схематизм модернизма за счет обогащения его местной традицией. Этот стиль работы планировщика ушел (к сожалению) в прошлое. Архитектор мог ограничиться фиксацией взаиморасположения объектов, подъездных путей к нему и рельефа. Дальнейшая детализация осуществлялась «по месту», что требует регулярного присутствия автора на строительной площадке.

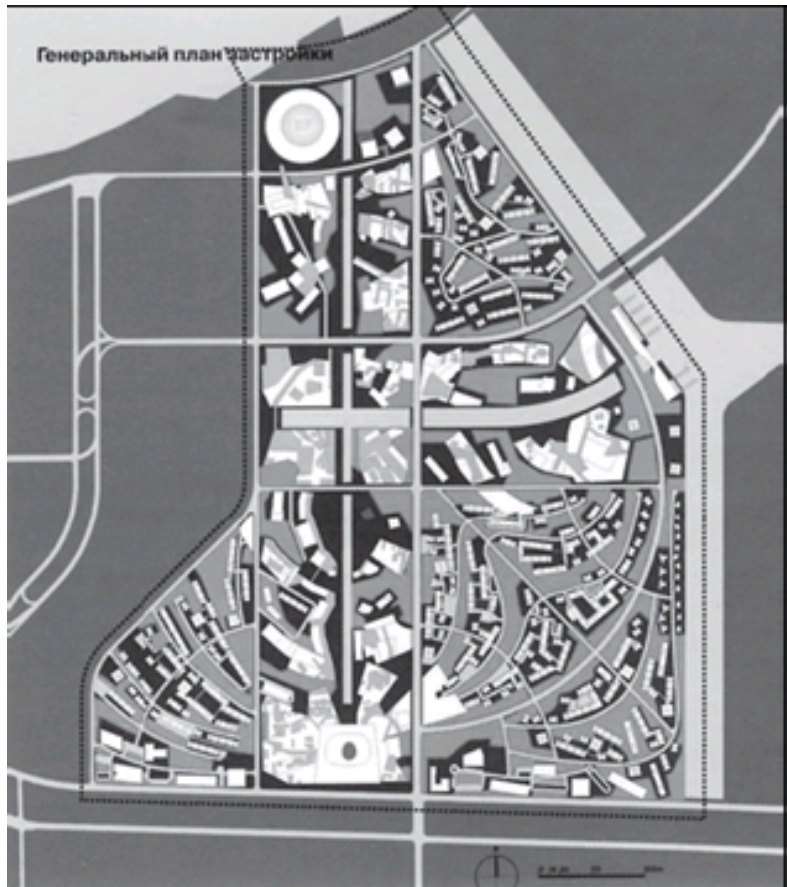
Девелоперская схема подготовки проектной документации такой ремесленной технологии не допускает. Характерный пример принципиальной схемы – один из вариантов локализации новой штаб-квартиры «Газпрома» в Петербурге, где определены только зоны под застройку разной этажности. Характерен и проект бизнес-квартала «Сити-центр» в Екатеринбурге. Точный макет генплана двух объектов совмещен с детальным ситуационным планом центральной части города, что позволяет наглядным образом представить, каким образом новые комплексы используют выгодное место, зарезервированное с начала 90-х годов. Проект выполнен в соответствии с генеральным планом развития Екатеринбурга до 2015 г., однако неясно, насколько

ко учтен рост транспортных нагрузок. Сочетание
имен сегодня типичное: генеральным заказчиком вы-
ступает Уральская горно-металлургическая компа-
ния, девелопером является ее дочерняя структу-
ра. Архитектура и планировочное решение – Valode
& Pistre. Консультантом выступает швейцарская
OPIM Inuernational Consulting.

Детальная планировка

Принятый Градостроительный кодекс не содержит этой планировочной формы, которая занимала чрезвычайно ответственную позицию в отлаженной системе советского градостроительства. Сейчас ее фактически включили в состав генплана города, что никак нельзя признать удачным решением, тогда как генплан поселка или обособленного участка в составе городской ткани в точности соответствует требованиям к проекту детальной планировки. ПДП был прочно привязан к идеологии застройки микрорайонами и, соответственно, был забыт в период бурной «точечной» застройки, когда в лучшем случае удовлетворялись предъявлением некой общей схемы микрорайона после возведения нового объекта.

В отличие от генплана объекта ПДП включает в себя всю совокупность связей на четко ограниченной территории: функциональных (отношение с системой услуг), ландшафтных (в системе части города и внутри участ-

ка), транспортных, включает всю систему инженерных коммуникаций, включая работу с подземными и ливневыми водами, которая требует весьма тонкой настройки.

В идеальном случае ПДП является отображением на плане города полновесного инвестиционного проекта, который ни в коем случае нельзя отождествлять с генеральным планом. Когда автору довелось играть роль генерального консультанта при разработке крупного инвестиционного проекта по выбору модели застройки участка бывшего завода площадью десять гектаров, работа экспертной группы была построена следующим образом. После того, как инвестор убедился в том, что предложенная ему архитекторами схема планировки имеет случайный характер, была создана экспертная группа. В группу вошли риэлторы от т. н. элитной недвижимости, риэлторы от недвижимости среднего уровня стоимости, риэлторы, специализирующиеся на торговых площадях, риэлторы по прочим услугам, представитель инженерно-конструкторского бюро, зарубежный эксперт по транспорту и, естественно, ответственный представитель инвестора.

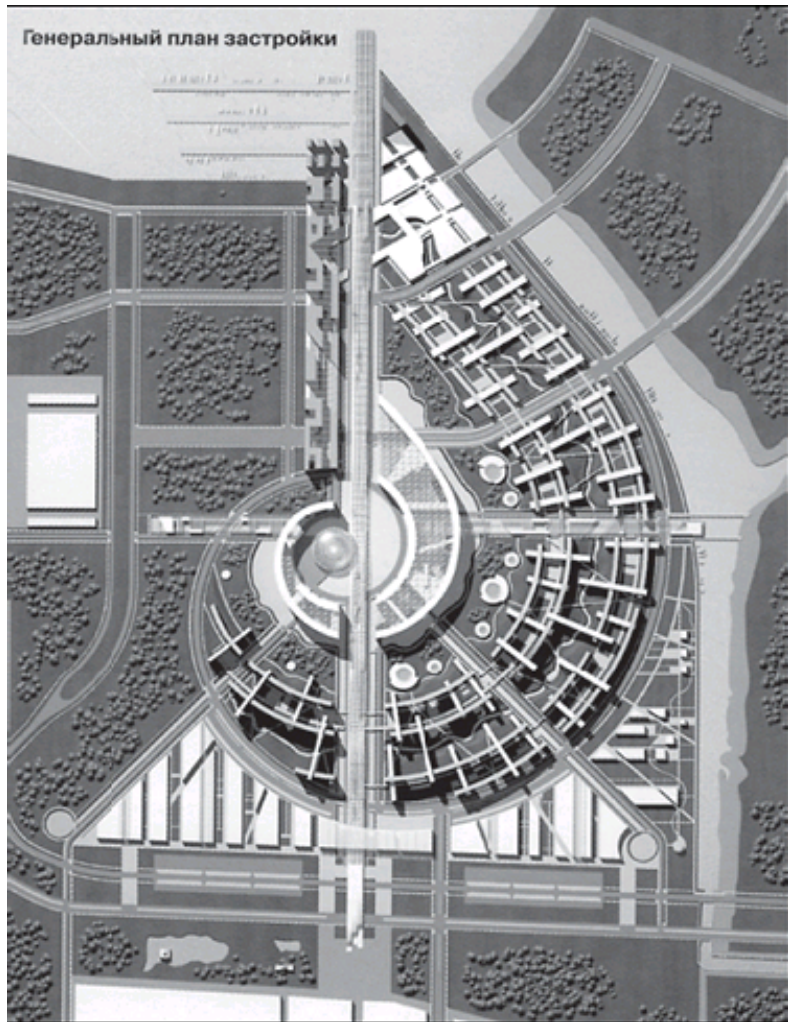
Группа провела шесть дискуссий, по одной в неделю, что позволило готовиться к каждой сессии, и выработала модель пропорционального отношения четырех базовых групп недвижимости, с учетом имевшейся и прогнозируемой конъюнктуры. Отстроила принципы

взаимоотношения с соседними кварталами (мера открытости-закрытости), характер включенности в транспортные коммуникации и связи с парком, технологию освоения подземного пространства – тем более что в любом случае следовало выбрать и вывезти зараженный производством грунт. В череде дискуссий было оформлено ТЗ – техническое задание на проектирование, после чего организован закрытый конкурс на архитектурно-планировочную концепцию застройки участка. Кстати, из семи известных в Москве архитектурных фирм только одна разработала схему, действительно отвечающую требованиям технического задания, тогда как остальные стремились либо приспособить к участку ранее разработанные проекты, либо разыграть профессиональный этюд на условно понятую тему. К сожалению, до настоящего времени многоступенчатая работа такого рода осуществляется редко, что приводит к существенным ошибкам.

В случае проектирования пригородного поселка или городка-спутника площадью до примерно 200 гектаров развернутый инвестиционный проект не менее важен. Необходимо понять, будет жизнеспособным торговый или развлекательный центр или нет, включится ли школа в региональную систему образования и на каких условиях, или это будет частное учебное заведение, какова инженерная инфраструктура и способ ее обслуживания, каковы сценарии развития на соседних тер-

ритория и пр. ПДП, как уже отмечалось, в этом случае фактически совпадает с генеральным планом, и деликатность художественного построения искусственного ландшафта, тонкость отстройки отношений между архитектурой односемейных домов, таунхаусов, галерейных или секционных домов разной этажности и т. п. решительно выступают на передний план.

Генеральный план застройки

Для иллюстрации выбраны три варианта плани-

ровочного решения района «Балтийская жемчужина», достаточно полно показывающие, как сталкиваются в условиях конкурса совершенно различные философские трактовки одной и той же задачи.

Вверху – концепция голландской группы OMA-ARUP, лидером которой является Рэм Кулхаас: авторы определили свое прочтение темы жилого района и бизнес-центра как «пейзаж после битвы», подразумевая битву человека с природой. По центру – концепция петербургской группы «Студия 44» совместно с бюро «Земцов, Кондияйн и партнеры». Общее спиральное построение, явно ассоциирующееся с формой раковины-жемчужницы, повторено и акцентировано домом-спиралью.

Внизу – генеральный план шведской группы SVECO, которая почти полностью отказалась от метафор, предпочтя им внятную, хотя и несколько пресноватую схему застройки. Таунхаусы и разомкнутые кварталы низкоэтажной застройки с обеих сторон подводят к «хребту», образованному домами повышенной этажности. Впрочем, вовсе без метафорики не обошлось, и у основания мола, ведущего в залив, есть сфера-«жемчужина».

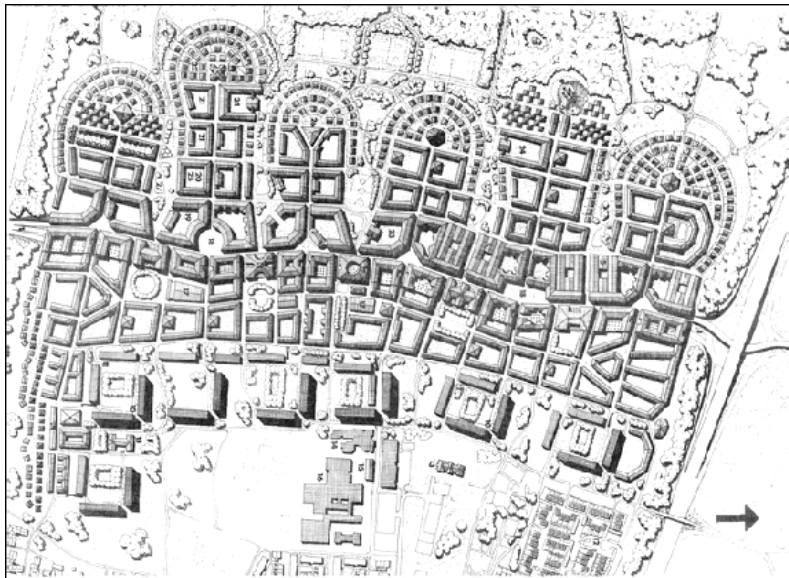
Далее иллюстрацией служит шведская интерпретация давней концепции «города-сада», выполненная Арне Расмуссеном. Основой очевидным образом являются три принципа: тупиковая организация подъез-

дов, примерно равная величина жилых групп – «соседств», сочетание мягкости общего планировочного рисунка с четкостью квартального построения домов с дворами внутри.

Расмуссен относится к небольшому кругу планировщиков, которые всегда начинают работу над генеральным планом с общего образа целого в виде свободных контурных рисунков, сразу же переходя затем к детально просчитанной транспортной схеме.

Генеральный план
застройки

Генеральный план города

Реконструкция городов встречается в наше время значительно чаще, чем возведение новых, но в любом случае генплан остается ключевым инструментом развития поселений. При этом необходимо помнить, что достаточно часто под словом генплан имеют в виду существенно разнящиеся документы. В обычной мировой практике под выражением Master Plan понимают только что описанный выше ПДП – проект детальной

планировки фрагмента городской среды, тогда как выше по уровню оказывается т. н. Comprehensive Plan, чему ранее соответствовала Концепция генерального плана, а в терминологии, недавно узаконенной Градостроительным кодексом, соответствует Стратегический план развития.

В тексте книги было приведено достаточно примеров подхода к формированию планировочных концепций и результатов реализации этих концепций в практике, что позволяет здесь говорить только о нынеш-

ней ситуации в России по отношению к общемировым трендам. От советской эпохи нами унаследована вполне определенная мифология генплана. С одной стороны, утверждалось, что генплан – это закон, и в сегодняшней практике такая позиция закреплена тем, что генплан утверждается представительной ветвью муниципальной власти. С другой стороны, это никоим образом не закон прямого действия, и его интерпретация делегирована муниципальным архитектурно-строительным управлениям или отделам. С одной стороны, генплан – это базисные сети транспортных и инженерных коммуникаций, размещение центра (центров) деловой активности и услуг, основных зон и указание на правила их освоения. При современной компьютерной технике отнесение к генплану должно быть общедоступной услугой, и в ряде городов – малых, как Александров, или крупных, как, к примеру, Пенза, весь городской «партер» был, до последнего уличного колодца энергетиков или связистов, оцифрован, включив обновляемую информацию о первых этажах всех зданий – центрального района города, во всяком случае. Тем не менее над сознанием и муниципальной власти и авторов корректировки генеральных планов явно тяготеет восходящее к эпохе барокко желание увидеть на генплане некий завершенный образ города. Отсюда наряду со схемами аналитического содержания, включая т. н. опорный план, на который нанесены все капи-

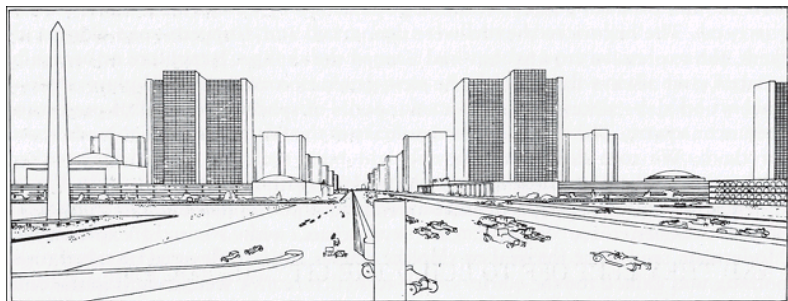
тальные постройки, генплан стремятся представить в виде картин с птичьего полета – с отображением конкретных зданий.

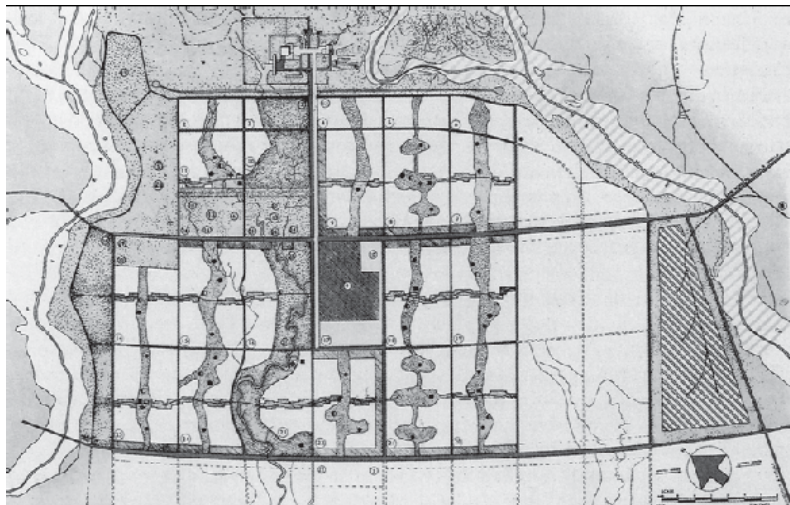
Это явная ошибка, поскольку такое отображение означает лишенное реального смысла вторжение в масштабный уровень проектов детальной планировки частей.

Если генплан является не декоративным украшением кабинета главы поселения, а служит инструментом контроля над соответствием инвестиционных проектов общественной пользе, то главной формой его выражения становятся наряду со схемами развития коммуникаций паспорта участков и ПДП. Это особенно важно при бурной реконструкции советских частей городов, застроенных в логике ведомственной разобщенности, с огромными разрывами между пятнами разнохарактерной застройки. Это тем более важно, что, привыкнув отождествлять развитие городской среды с ростом города, измеряемым в квадратных метрах жилья и услуг, нам трудно смириться с тем, что на добрых два десятилетия нам предстоит в основном задача оптимизации городских территорий в условиях демографического сжатия. Наконец, особенно важно перейти от попыток изображать город как остров на белом листе к рассмотрению его в контексте окружающих освоенных земель и, следовательно, видеть его развитие в кооперации с районными властями и вла-

стями поселений.

При таком подходе базой становится именно Стратегический план в связке с правилами застройки по планировочным зонам, утверждаемыми представительным органом местной власти как законодательный акт прямого действия. При наличии Стратегического плана, правил застройки и проектов детальной планировки, разработка и корректировка которых ведется в непрерывном режиме, нужда в старом генплане, пытавшемся отразить все в маловразумительной для горожан форме, отпадает.

Ле Корбюзье не мог удовлетвориться ролью создателя отдельных сооружений и страстно стремился к тому, чтобы проектировать или полностью реконструировать старые города. Для Манхэттена он нашел необходимым полностью снести «слишком маленькие» небоскребы, что и изобразил на открытке, посланной во Францию. При работе над генеральным планом Немура (Алжир) в безлюдном и маловодном месте архитектор предложил заключить речку в трубу, перекачать воду на вершину холма и дать ей обводнить сухие склоны, на которых следовало разместить одинаковые многоэтажные «жилые единицы». При разработке генерального плана Чандигарха (Индия) Ле Корбюзье сосредоточил внимание на

создании системы озелененных пешеходных трасс в виде смягченной сетки наложенной на сетку автотрасс. Влияние мастера было огромно, и только в последние десятилетия мы наблюдаем возрождение и старого города – в концепции «нового урбанизма», и «города-сада», но уже полностью в логике массового автомобильного движения.

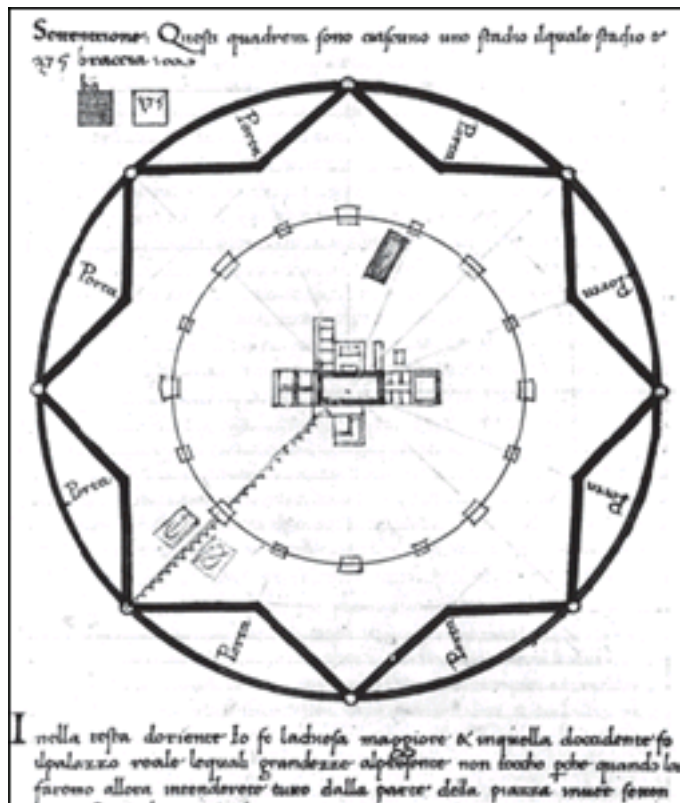

Стратегический план развития города

К сожалению, пока еще в России об этом важнейшем документе приходится говорить в будущем времени. Даже в тех случаях, когда разрабатываются стратегии развития, как, к примеру, в Норильске, перед которым стоит задача оптимизации застройки при существенном сокращении «излишнего» населения, взвешенные суждения о направлениях развития остаются текстовым документом. Стратегический план, конечно же, содержит отработанную систему взаимосвязанных тезисов, но обретает действительно операциональную форму только тогда, когда эти тезисы положены на графическое отображение планировочной концепции и эскизы проектов детальной планировки зон города. Разумеется, ориентированный на относительно бесконфликтную реализацию Стратегический план должен быть плодом многоступенчатого публичного обсуждения, с привлечением независимых экспертов и всех активных общественных сил. Предписанная российским законодательством практика обсуждений генпланов или ПДП остается пока еще сугубо декоративной операцией. Без предварительного полноценного ознакомления с полной документацией та-

кое обсуждение напрочь лишено смысла.

Если полноценная разработка Стратегических планов в отношении поселков или отдельных кварталов, или университетских городков (Сидней или Сингапур) теперь широко распространена в мире, то применительно к городу в целом такая практика все еще явля-

ется скорее исключением, чем правилом. Тем важнее тщательное изучение образцов, какими, вне сомнения, является Стратегический план развития Денвера в США, рассмотренный в книге. Особое значение имеет отработка технологий и методическое обеспечение взаимодействия между ядром развития и окрестными территориями.

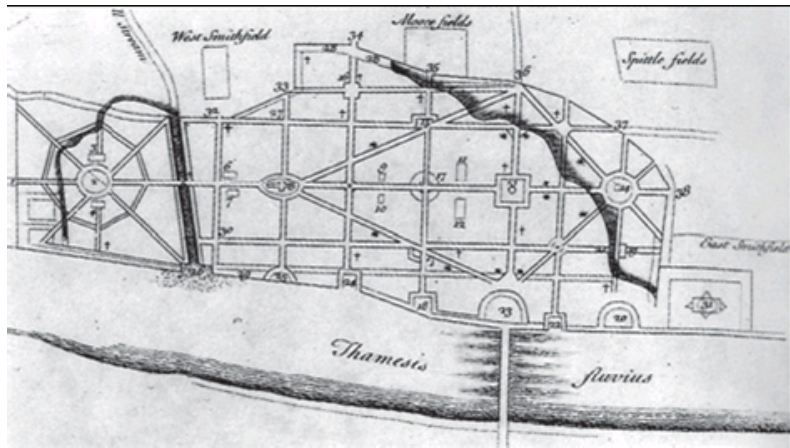
В настоящее время, с активным привлечением независимых экспертов, предпринимается попытка разработки предпосылок для формирования Стратегического плана развития Челябинска. В этом случае четыре темы: жилье, питьевая вода, свежие продукты и грамотная переработка отходов – уже стали основой заключения взаимовыгодных соглашений между городом-ядром и окрестными поселениями, из которых два имеют статус городских округов, а два являются сельскими муниципальными районами. При том что «силовая» реализация интересов ядра на первый взгляд кажется более простым средством решения его задач, отстройка консенсусных оснований для Стратегического плана не только способна смягчить или даже устранить неизбежные конфликты интересов. Еще существеннее то, что в этом случае учет интересов соседей оказывается чрезвычайно эффективным средством повышения качества планировочной деятельности в целом.

Стратегический план призван в первую очередь от-

ветить на вопрос о внятных приоритетах развития города как потенциальной агломерации, понимаемой не как административное объединение, а взаимовыгодное сотрудничество. Простое перечисление всех мыслимых направлений деятельности (именно такими оказываются в массе документы, именуемые стратегиями развития) не является ответом на этот вопрос. Если город N ориентирует свое развитие на производство высоких технологий, то на первый план для него выступает не отведение площадей для технопарков, что, конечно же, совершенно необходимо, а создание привлекательных условий для людей, способных обеспечить качественный скачок системы образования в связи с научными исследованиями и бизнесом, который эта связь порождает. Так это происходит в Томске. Если город N ориентирован на формирование эффективного центра переработки сельскохозяйственной продукции, то главным для него окажется создание привлекательных условий для развития новых систем обслуживания агропромышленных холдингов и фермерских хозяйств, включая модернизацию банковской, кредитной системы и создание наново системы широких услуг для сельхозпроизводителей...

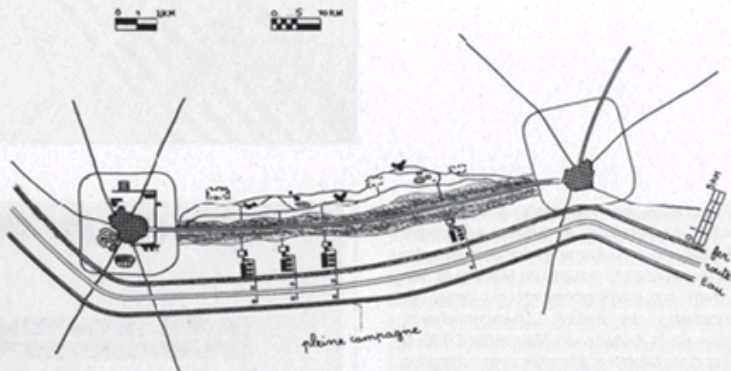
Реальная задача заключается в том, чтобы выстроить «шарнир», переход от выбранного дерева целей с единственным приоритетом к переводу его на язык пространства.

Генеральные стратегии развития городов разрабатывали начиная с проекта Форцинды Антонио Аверлино. Тем же занимался Кристофер Рен, переосмысляя Лондон после великого пожара. Сориа-и-Мата создавал модель «линейного города», а Николай Милютин грезил о Соцгороде. Ни одна из этих концептуальных схем, включая мечты начала XX в. о городе воздушных мостов и аэропланов, не была прямо воплощена в жизнь. Но все они оказали огромное влияние на то, чем стали нынешние города.

Pour permettre la synthèse du dessin, on a, ici, dessiné à trois échelles différentes, la cité industrielle, la ville radio-concentrique, le dispositif des trois routes.

Pl. 3. — La cité linéaire industrielle (3e schéma).

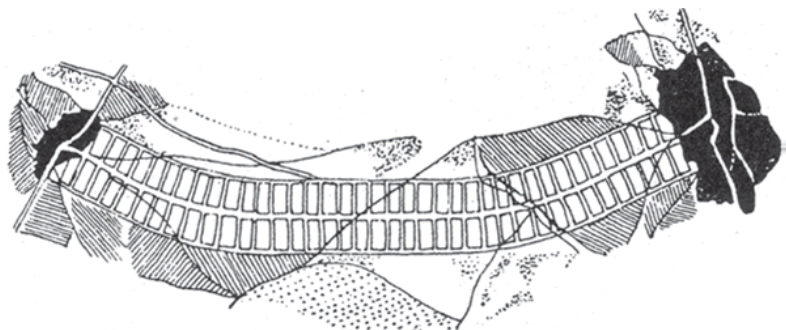
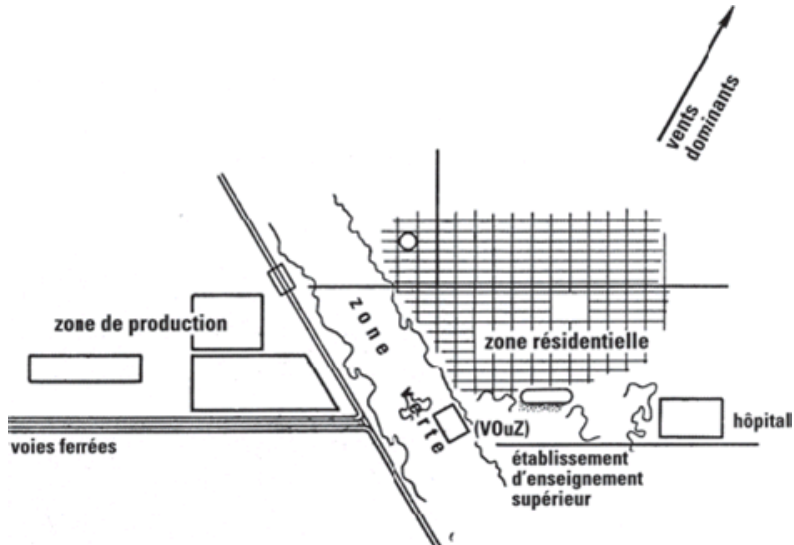

Схема территориального планирования

Новый Градостроительный кодекс так именно обозначил то, что в советское время именовалось схемой районной планировки. Различие заключается не только в этом. Районная планировка была, по определению, инструментом реализации схемы развития производительных сил на территории страны, т. е. уточнением системы расселения в соответствии с проектными концепциями, разработанными Госпланом. СРП – Схема территориального планирования – отразила, к сожалению, фактический отказ от разработки программы территориального развития в масштабах страны или хотя бы в масштабе федеральных округов. В результате СРП должны разрабатываться как положение на карту стратегий развития субъектов Федерации по отдельности, что подразумевает преобразование административных границ в реальные барьеры между сопредельными территориями. И действительно, все т. н. стратегии регионального развития, рассмотренные с моим участием в Министерстве регионального развития в 2006–2007 годы, представляли территорию субъекта Федерации как своего рода остров. Как если бы соседних территорий и связей с ними не было вовсе.

Несмотря на обширность территории многих российских регионов, порочность этого подхода очевидна. Россия, как и всякое другое государство, членится на множество стран в географическом смысле. В экологическом смысле речной бассейн есть единое целое. Экономические связи корпораций охватывают множество регионов целиком или только частями. Московский, самарский, казанский капитал в экономическом смысле колонизирует отдельные территории, или только некоторые из городов, или особо привлекательные районы. Демографические движения осуществляются в значительной части сквозь межрегиональные границы. Иными словами, если видеть в схемах территориального планирования не одно только документальное подтверждение готовности к инвестиционной деятельности, но и реальный инструмент развития, они непременно должны быть вписаны и в национальный, и, в ряде случаев, в трансконтинентальный контекст. Разработка и оценка жизненно необходимых крупномасштабных проектов вроде Полярного Урала с полным пониманием прямых и вторичных последствий осуществима только при переходе к аналитике и планированию в масштабе макрорегионов, с их социально-экономическими, экологическими и этнокультурными особенностями. Попытки расписать Полярный Урал, Забайкалье или Дальний Восток по субъектам Федерации обречены на неудачу, и перейти к реа-

листическому формату СРП все равно придется – увы, с большим неоправданным запаздыванием, мотивированным единственно близорукостью министерств, ответственных за экономическое развитие страны.

Повторим: политика крупномасштабного планирования успешно начиналась в период первых советских пятилеток. В искаженном ведомственным подходом виде она все же продолжалась весь доперестроечный период, а множество ошибок, совершенных при энергичном создании каскада гидроэлектростанций на равнинных реках, при освоении целинных и залежных земель или при строительстве Байкало-Амурской магистрали, было связано не с самим планированием, а с волюнтаризмом невежественной власти. Приостановив работу над СРП, практически прекратив исследования, без которых грамотное планирование невозможно, и растеряв исследователей, мы бездарно потеряли два десятилетия. Теперь придется начинать почти с нуля – в условиях, когда ни один университет не готов даже к тому, чтобы начать обучение необходимых стране специалистов, их подготовка может быть осуществлена лишь в инновационных вузах, которые лишь начинают складываться. Такова реальность, и тем важнее внимательное изучение нового опыта, накопленного в мире в сфере планирования территориального развития. Это должно быть изучение не столько по опубликованным материалам – те имеют излиш-

не сжатый и, по понятным причинам, скорее рекламный характер, сколько путем включенного наблюдения, встраиванием в работу.

Первоклассных работ такого рода, вроде территориальной программы развития Израиля или программы развития Большого Ванкувера, не столь уж много, внешне инструменты их создания кажутся обидно простыми, но только через критический анализ можно уловить все то, что может быть использовано в России в разумной перспективе. Выявить и отделить от всего, что определено глубокими и тонкими различиями в культуре поведения, в культуре бизнеса, в правовой культуре людей. Эти неустранимые различия принципиально запрещают механический перенос в наши условия. Стратегии регионального планирования – это не математика, это сложнее. Попытки как-то иллюстрировать эту тему на одной-двух страницах бесперспективны – каждая такая схема по сути представляет собой развернутый трактат и выдергивать из него одну или две схемы иначе, чем это уже сделано в основном тексте книги, заведомо лишено смысла.

Урбанистические исследования (вместо заключения)

Так уж сложилось, что в сегодняшней России возрождение урбанистики должна инициировать лишь горстка эконом-географов, считанные экономисты, да несколько специалистов с базовым образованием в архитектурных школах и опытом планировочной работы. Тем не менее, по мере развития инвестиционной деятельности, достаточно быстро накапливается новый опыт понимания сложности предмета, сложности работы с городом и районом в условиях одновременного действия рыночных, отчасти квазирыночных, отчасти вовсе не рыночных механизмов. В условиях атомизованного общества, почти отсутствующих местных сообществ, при серьезном сопротивлении архаических моделей регионального управления, при обилии хищнических интересов. С глубокого осмысления этого опыта и предстоит начать, преодолевая трудности получения первичной информации в достаточном для обобщения объеме. Понятно, что добыть такое знание можно только одним путем – погружаясь в решение практических задач планировки.

Это, разумеется, не означает ненужности академического знания об опыте, который накапливался дол-

гие века. Напротив, в книге отражено усилие показать, как много было совершено замечательных открытий и замечательно интересных ошибок в подходе к задаче планирования городов. За века накопилось обширное положительное знание об этом огромном опыте, но давно известно, что каждое поколение можно счесть состоявшимся только в том случае, если ему удалось написать историю заново – осмысливая настоящее, с его невиданными ранее задачами, через прошлое. Так вышло, что в этой естественной череде мы практически пропустили работу двух поколений, долгое время лишенных возможности нормально работать в пространстве мировой мысли. Тем нужнее осуществить значительную работу посильно быстрого освоения этого пространства.

За последние полвека корпус работ, посвященных урбанистике, различным ее аспектам, не только необычайно разросся, но и продолжает разрастаться с почти пугающей скоростью. Эта литература существенно изменилась, давно оставив позади уверенность людей, вроде Камилло Зитте, в том, что можно раз навсегда установить правила создания прекрасного города, а людей, вроде Ле Корбюзье – в том что воля художника способна построить города заново. Эта литература оставила позади мечтания людей на переломе XIX и XX веков. Им казалось, что технический прогресс сам собой решит все проблемы города и горо-

жан. Теперь мы знаем, что этот прогресс, масштаб которого и масштаб последствий которого они не могли себе представить, не только строит и развивает города, но и омертвляет их.

Современная урбанистическая литература расслоилась. Есть монографии, посвященные только улице, только городскому транспорту, только дизайну городского «партера», исключительно стратегическому планированию и т. д. Это важные и нужные работы, и их желательно знать. Но есть и другие работы – от книг Льюиса Мамфорда полувековой давности до книг Вильяма Митчелла, в которых предпринимаются в целом успешные попытки увидеть заново эволюцию города как города людей. Тех, кто этот город создает осознанно, в процессе решения профессиональных задач, и тех, кто пересоздает его ежедневно своим поведением в городской среде. Эти книги нужно знать в особенности, но для этого их надо переводить, получать или приобретать копирайт, находить издателя. Все это требует времени, которого не хватает всегда, а в наши дни его недостает особенно.

Осознание огромности задачи и ограниченности возможностей готовило автора к написанию этой книги, в которой запечатлен личный опыт переживания перипетий муниципального движения в нашей стране и личный опыт освоения значительного объема разноязычной, преимущественно английской и американ-

ской, литературы, наряду с чтением наново литературы классической. Так удачно сложилось, что авторское желание совпало с заинтересованностью современных девелоперов в том, чтобы издать своего рода пособие, своего рода введение в урбанистику. Книгу следует воспринимать в этом вспомогательном качестве. На большее автор не претендует.